

Олеся
РУДАНСКАЯ

Жена
ГЕНЕРАЛА.

ТЫ ВЫБРОСИЛ
НАС ОБОИХ

Олеся Руданская

**Жена генерала. Ты
выбросил нас обоих**

«Автор»

2026

Руданская О.

Жена генерала. Ты выбросил нас обоих / О. Руданская —
«Автор», 2026

— Не надо прикрываться моим сыном. Ты ему все-таки не мать. Восемнадцать лет я растила его мальчика и называла нас семьей. А потом муж-генерал поставил у двери мой чемодан. У него появилась другая. Мне полагались съемная квартира, деньги и никаких скандалов. Только одного он не предусмотрел: его взрослый сын соберет рюкзак и уйдет вместе со мной. В сорок два я начинаю все заново. Учусь жить без мужа, который уже решил, кому достанется моя половина кровати. И принимать внимание мужчины, от которого никогда его не ждала. Глеб — родной брат покойной первой жены моего мужа. Восемнадцать лет он держался со мной на расстоянии. Теперь приглашает на свидания, смотрит так, что я смущаюсь, и целует так, что мне хочется остаться до утра. Но новую жизнь нельзя построить только вокруг другого мужчины. Или сына, который выбрал меня. Я умею быть нужной. Теперь мне предстоит научиться быть счастливой.

© Руданская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Скажи ему остаться	5
Глава 2. Два комплекта ключей	19
Глава 3. До всей этой истории	41
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Олеся Руданская

Жена генерала. Ты выбросил нас обоих

Глава 1. Скажи ему остаться

К шести вечера я нашла в учебном пособии четыре разных названия одного и того же водонагревателя. Одно было точным, второе допустимым, третье нелепым, а четвертое, судя по всему, придумал человек, который никогда не видел этого прибора.

— Вер, не трать на это еще полчаса, — сказала Полина в наушниках. — Я спрошу у автора, что он вообще имел в виду.

— Я как раз собиралась. Только сначала найду, где он написал про обратный клапан. В одном месте его нет, в другом он есть, но установлен задом наперед.

— Ты с ним разговаривать будешь или задерживать?

— Сначала разговаривать. Дальше посмотрим.

Полина рассмеялась. Мы уже шестой год работали вместе, и она умела отличать мои настоящие жалобы от тех, которые помогали не заснуть над очередным техническим текстом. До пятницы оставалось три дня. За это время я должна была отправить исправленные страницы, принять замечания автора и убедить его не возвращать в материал выражение «эксплуатация в режиме отсутствия включения».

В коридоре что-то глухо ударилось об пол.

Я подняла глаза от экрана. Олег вернулся раньше, чем обещал.

— Ладно, — сказала Полина. — Завтра до обеда пришлешь?

— Пришлю. Если автор согласится, что у прибора не может быть одновременно два противоположных положения переключателя.

— Ты меня успокоила. Спокойного вечера.

— И тебе.

Я сняла наушники, сохранила документ и только после этого заметила чемодан.

Он стоял у входной двери. Наш небольшой темно-синий чемодан, с которым я обычно ездила к Полине на ежегодную встречу редакторов. На ручке висела желтая бирка со старым номером телефона. Я все собиралась ее срезать и всякий раз забывала.

Олег застегивал молнию бокового кармана.

— Ты куда-то едешь? — спросила я.

Он выпрямился. На нем были обычные темные брюки и белая рубашка с расстегнутым воротом. Куртку он уже повесил, часы снял и положил на тумбу. Значит, домой пришел не на пять минут.

— Нам надо поговорить.

— Хорошо. Только скажи сначала, чей это чемодан.

— Твой.

Я посмотрела на него, потом на чемодан.

— В каком смысле мой? Ты его достал?

— Я положил несколько вещей. Остальное соберешь сама.

В открытой щели между крышкой и корпусом торчал рукав моего серого свитера. Я видела, что он свернул его аккуратно, как сворачивал свои рубашки перед поездками. Олег никогда не любил мятые вещи. Он мог спокойно забыть о дне рождения родственника, но не о том, что в чемодане есть специальные ремни для одежды.

— Зачем ты складывал мои вещи?

— Вера, давай сядем.

— Мы можем сесть. Чемодан от этого никуда не денется.

Он оглянулся в сторону кухни, будто решал, удобно ли говорить там. Восемнадцать лет я знала это движение: сначала оценить обстановку, потом начать разговор. Так Олег сообщал о переводах, о долгих командировках, о покупке машины, которую мы еще даже не обсуждали.

— Я не хочу устраивать скандал, — сказал он.

— Я пока тоже.

— Тогда выслушай до конца.

Он прошел на кухню. Я осталась у входа, потому что рукав свитера зацепился за замок. Освободила ткань и машинально провела пальцем по краю, проверяя, не порвалась ли. Потом рассердилась на себя. Кажется, мне только что сообщили, что я куда-то переезжаю, а я переживала из-за старого свитера.

На кухне Олег отодвинул для меня стул. Я не села. Он тоже остался стоять.

— У меня другая женщина, — сказал он.

Я слышала каждое слово. Не пришлось переспрашивать. Просто следующие несколько секунд я не могла решить, на что смотреть: на него, на мокрые следы от его ботинок возле балконной двери или на тарелку, которую оставила после обеда в раковине.

— Как давно? — спросила я.

— Вера...

— Это простой вопрос.

— Несколько месяцев.

— Сколько?

Он провел ладонью по затылку.

— Девять.

В сентябре мы отмечали годовщину свадьбы. Не шумно: Кирилл был занят учебой, у Олега на следующий день была встреча, а я сдавала рукопись. Он принес букет и спросил, не хочу ли я в выходные съездить куда-нибудь вдвоем. Я согласилась. Мы никуда не поехали. Тогда мне казалось, что у нас просто такой период: слишком много дел, слишком мало сил.

В сентябре его связь с другой женщиной уже продолжалась.

— Ее зовут Наталья, — добавил Олег, словно имя помогало мне понять происходящее.
— Наталья Руднева.

— Я ее знаю?

— Вряд ли. Она работает в гостиничном бизнесе.

Он сказал это с осторожной деловитостью человека, который подготовил необходимые сведения, но не собирается обсуждать лишнее.

— Ты уходишь к ней? — спросила я.

— Мы решили быть вместе.

Я кивнула. Получалось, решение принималось во множественном числе. Только меня среди участников не было.

— Почему чемодан мой?

Олег посмотрел на коридор.

— Я договорился насчет квартиры. Небольшая однокомнатная, недалеко отсюда. Там чисто, мебель есть. На первое время подойдет. Потом спокойно разберемся с имуществом.

— Ты договорился о квартире для меня?

— Да.

— И уже собрал мои вещи?

— Пока только необходимое. Ты же понимаешь, что после такого разговора оставаться здесь вдвоем будет тяжело.

— А тебе?

— Что мне?

— Тебе тоже будет тяжело оставаться со мной? Или только мне с тобой?

Он помолчал.

— Я не собираюсь тебя выгонять. У тебя будет где жить, я все оплачу.

— Тогда зачем чемодан?

— Не цепляйся к нему. Речь не о чемодане.

— Пока это единственная вещь, которую я могу проверить. Ты собрал его, не спросив меня. Я правильно понимаю?

— Я думал, так будет проще.

— Кому?

Олег отодвинул стул и сел. Он всегда садился, когда разговор принимал неприятный оборот. Так можно было положить локти на стол, соединить пальцы и говорить спокойно, пока собеседник стоял и выглядел взвинченным.

— Я понимаю, что ты обижена.

— Я еще не решила, что именно чувствую.

— Но мы взрослые люди. Нам не нужно превращать расставание в войну.

— Ты уже решил, что мы расстаемся. Уже нашел женщину, с которой будешь жить, квартиру для меня и даже выбрал, какие свитера мне понадобятся. А взрослой мне предлагается быть с этого момента?

— Тебе хочется поссориться.

— Мне хочется узнать, где я должна ночевать сегодня.

— Квартира свободна. Я могу отвезти тебя туда.

Я наконец села, но не на стул, который он отодвинул. На другой, возле окна. Там лежала Кириллова отвертка с синей ручкой: он днем подтягивал болтающуюся ножку табурета и забыл убрать инструмент. Я передвинула отвертку подальше от края.

— Мне надо время, — сказала я.

— Конечно.

— Не «конечно». Я говорю, что сегодня ни на какую квартиру не собираюсь. Мне нужно время, чтобы подумать, что делать.

Олег заметно напрягся, хотя голос не повысил.

— Я не хотел бы растягивать это на недели.

— Мы разговариваем меньше десяти минут.

— Я говорю в целом. Ты ведь и сама понимаешь, что у нас давно нет нормальных отношений.

Вот это меня задело. Не само слово «нормальных», а то, как уверенно он его произнес.

— У нас был брак, Олег. С обычными неприятностями, которые ты почему-то решил зачислить в доказательства его окончания.

— Мы почти не бываем вдвоем.

— Мы были в театре в январе.

— Один раз за несколько месяцев.

— Ты дважды отказался ехать со мной к друзьям. Я считала, что ты устал после работы с учебным центром. Ты говорил именно так.

— Потому что не хотел делать еще хуже.

— Кому хуже?

— Вера, я не прошу вести протокол.

Я вдруг вспомнила, как шесть лет назад получила первый большой редакторский заказ. Кирилл тогда учился в школе и готовился к олимпиаде, а я боялась, что не справлюсь со сроками. Олег забрал на себя ужины, несколько вечеров ездил с сыном на занятия и сказал: «Раз обещала сделать работу, делай. Мы взрослые, без тебя кашу сварим». Я после этого любила его, пожалуй, еще сильнее.

И все-таки он говорил сейчас не как посторонний человек. Я знала, как он устает от долгих разговоров, как начинает убирать со стола несуществующие крошки, когда хочет их закончить. На его левой руке не было кольца. Я не сразу это заметила. Он и раньше иногда снимал кольцо дома, если возился с инструментами, поэтому спрашивать об этом было бессмысленно.

— Ты был с ней на прошлые новогодние праздники? — спросила я.

Он замер.

— С чего ты взяла?

— Ты на три дня уезжал. Говорил, что консультируешь коллег по подготовке программы.

— Я действительно ездил по работе.

— И виделся с Натальей?

— Да.

Я посмотрела на отвертку. Если бы в тот момент Олег признался еще в десятке поездок, мне, наверное, было бы легче воспринимать их списком. Три дня в январе. Две ночи в ноябре. Одна суббота, когда мы с Кириллом ездили выбирать куртку. Список можно было бы записать, пересчитать, закончить.

Вместо этого вспоминалось случайное: от него пахло кофе, когда он вернулся из поездки. Он пожаловался, что не выспался. Я разогрела ему ужин и спросила, не замерз ли в дороге.

— Ты мне говорил, что мы стали чужими? — спросила я.

— Я пытался.

— Когда?

— Мы много раз обсуждали, что у нас все по кругу.

— Мы обсуждали, что ты недоволен после отставки и тебе не нравится без дела сидеть дома. Потом ты взял консультации. Я спрашивала, как у нас с тобой. Ты сказал, что все нормально.

— Потому что не знал, как начать.

— За девять месяцев так и не придумал?

— Я понимаю, что это выглядит плохо.

— Это и есть плохо. Дело не во внешнем виде.

Он опустил голову и на секунду показался очень усталым. Мне стало знакомо жалко его, захотелось налить ему воды, закончить разговор, отложить неприятное до утра. Я знала эту свою реакцию. Когда Олег был раздражен или растерян, я старалась сделать так, чтобы вокруг него стало спокойнее.

Но сейчас он сидел на нашей кухне, а у двери стояли мои вещи.

— Наталья будет жить здесь? — спросила я.

Он не ответил сразу.

— Мы пока ничего не перевозили.

— Значит, будет.

— Я планирую остаться в квартире. Мы можем обсудить выкуп твоей доли. По рыночной цене, с оценкой, как положено. Ты не останешься без денег.

— И сколько времени ты отводишь мне, чтобы я согласилась?

— Я не ставлю ультиматум.

— Ты поставил чемодан у двери.

— Опять ты про чемодан.

— Потому что он там стоит, Олег.

Мы замолчали. За окном автобус долго не мог отъехать от остановки. У кого-то сработала сигнализация. Был мокрый мартовский вечер, внизу во дворе таял почерневший снег. Я знала, что завтра мне нужно забрать заказ из пункта выдачи, что на верхней полке холодильника лежит сыр, который Кирилл не любит, а Олег покупает по привычке, что до конца недели надо заплатить за интернет.

Ничто из этого не исчезло. Просто раньше я знала, как будет устроен следующий день, а теперь не могла ответить, где проснусь утром.

— На квартиру оформлены две доли, — сказала я. — Моя никуда не делась. Никаких решений о продаже сегодня не будет.

— Я и не требую.

— Хорошо.

— Но ночевать вместе, согласишься, странно.

— А до моего согласия ты вообще собирался дойти?

Олег растер подбородок.

— Вера, если хочешь, останься на ночь. Я переночую в кабинете. Просто не надо делать из этого спектакль.

Он сказал «если хочешь» так, словно разрешил мне остаться в гостях. От этого захотелось немедленно уйти, но я заставила себя не двигаться. Решать, где ночевать, назло ему было ничем не лучше, чем согласиться на его готовый план.

— Когда ты собирался говорить с Кириллом?

Олег выпрямился.

— Отдельно. Не сегодня. У него занятия, потом эта его мастерская. Зачем сейчас портить ему неделю?

— Неделя все равно будет испорчена.

— Не обязательно. Он взрослый парень, у него свои дела. Поймет.

— Что именно он должен понять?

— Что мы с тобой расстались. Это наши отношения, а не его.

— Он живет с нами. Ты хочешь, чтобы я сегодня уехала, а он завтра вернулся сюда с учебы, увидел другую женщину и сделал вид, что все в порядке?

— Наталья не собирается приезжать завтра. И я не говорил, что все будет именно так.

— Но ты уже выбрал, где я буду жить. Ты понимаешь, как это выглядит для него?

— Кирилл останется здесь. Это его дом. Ему доучиться еще надо, а не бегать за нами с чемоданами.

Я по привычке потянулась за телефоном, чтобы посмотреть, писал ли сын. Последнее сообщение было за час до этого: «Буду поздно, с макетом возимся». Я поставила телефон экраном вниз.

— Я хочу поговорить с ним сама, — сказала я.

— Вера, я прошу тебя не вовлекать его в наши ссоры.

— Я не собираюсь просить его выбрать сторону.

— Тогда объясни все спокойно. Скажи, что мы оба приняли решение и тебе пока удобнее пожить отдельно.

— Мы оба?

— Не придирайся к формулировкам. Для него так будет легче.

— Я не буду ему врать, что хочу пожить отдельно.

— Хочешь рассказать, кто кого обидел? Он взрослый человек, пусть сам во всем разбирается?

— Я хочу, чтобы он узнал правду от нас, а не от соседей. И чтобы он мог расстроиться, если ему больно.

Олег резко выдохнул.

— Ты сейчас о нем не думаешь. Ты хочешь сделать так, чтобы меня осудили.

— Если ты уверен, что поступаешь правильно, почему тебе важно, как это назовут?

— Потому что я знаю, как ты умеешь переживать. Ты неделю будешь плакать, а Кирилл начнет тебя защищать вместо того, чтобы заниматься учебой.

Я сжала ладони под столом. На пальце оставалось обручальное кольцо. Оказывается, я все еще носила его, пока Олег планировал совместную жизнь с другой женщиной.

— Ты считаешь, мне надо спрятаться до тех пор, пока я смогу выглядеть прилично?

— Я считаю, что сын не обязан разбираться в наших взрослых ошибках.

— Твоих, — поправила я. — В этой части — твоих.

Он поджал губы.

— Ты хочешь выставить меня чудовищем.

— Нет. Я хочу понять, что происходит с моей семьей.

— Не надо прикрываться моим сыном. Ты ему все-таки не мать.

Я услышала, как повернулся ключ в замке.

Олег тоже услышал. Мы оба повернули головы к двери.

Кирилл стоял в коридоре в расстегнутой куртке. Через плечо у него висела длинная сумка с тубусом для чертежей, а в руке он держал пакет с каким-то пластиковым листом. Рядом с его ботинком натекала небольшая лужица.

— Ты это сейчас серьезно? — спросил он.

Олег поднялся.

— Кирилл, мы разговариваем. Пройди в комнату, пожалуйста.

— Я слышал.

— Не весь разговор.

— Последнее я слышал нормально.

Я встала и подошла к дверному проему.

— Кирюш, ты почему так рано?

Он посмотрел на меня. На его щеке была тонкая белая полоса от гипсовой пыли, губы обветрились.

— Станок в мастерской сломался. Нас отпустили. Мам, что случилось?

Я хотела ответить сразу, но не знала, откуда начинать. «Папа нашел другую» звучало так, будто речь шла о потерянном телефоне. «Мы расходимся» было ложью: никакого общего решения не существовало.

— Я сказал Вере, что мы будем жить отдельно, — произнес Олег за моей спиной. — Это неприятно, но мы справимся. Тебя никто не собирался ставить перед фактом.

Кирилл медленно перевел взгляд на чемодан.

— А это что?

— Вещи, — ответил отец.

— Я вижу, что вещи. Чьи?

— Мамины, — сказала я.

Кирилл поставил пакет на тумбу. Пластиковый лист выскользнул и звонко шлепнулся на пол. Обычно сын тут же поднял бы его и начал ругаться, что на нем останется царапина. Сейчас он даже не посмотрел вниз.

— Вы ее выселяете?

— Никого я не выселяю, — Олег сделал шаг в коридор. — Я нашел Вере нормальную квартиру. Неподалеку. Временно, пока мы решаем имущественные вопросы.

— Ты нашел ей квартиру?

— Да. Не надо повторять за мной каждое слово.

— Она просила?

Я увидела, как отец сжал челюсти.

— Кирилл, не начинай.

— Я спросил, мама просила?

— Нет, — сказала я. — Мы только начали говорить об этом.

Сын посмотрел на мой свитер, торчащий из чемодана.

— И ты уже собрал ее вещи?

Олег будто на секунду потерял терпение.

— Я хотел, чтобы все прошло без лишних сцен. Ты же знаешь, насколько мама тяжело переживает любые перемены.

— Я умею переживать перемены, — сказала я. — Просто не все перемены мне нравятся.

Олег бросил на меня недовольный взгляд. Кирилл этого не заметил: он продолжал смотреть на чемодан.

— А почему она должна уходить? — спросил он.

— Потому что у нас с Верой закончились отношения.

— Ну так уходи ты.

— Это не так просто. Квартира наша общая, у нас будет разговор о деньгах. Не тебе сейчас решать.

— Но вы же уже решили за нее.

Я подошла к сыну и подняла пластиковый лист с пола. Край был целый. Он машинально забрал его у меня и поставил рядом с сумкой.

— Кирилл, нам с папой нужно закончить разговор, — сказала я. — Тебе не обязательно сейчас во всем участвовать.

— Мам, я не маленький.

— Я знаю.

— Тогда скажи, куда ты собираешься ехать.

— Пока никуда. Я еще не решила.

— Она останется на ночь, если захочет, — вставил Олег. — Я уже сказал. Завтра обсудим все спокойно.

— А сегодня ты хотел, чтобы она уехала?

— Я хотел предложить удобный вариант.

Кирилл посмотрел на меня. Я не отвела глаза.

— Папа сказал, что у него другая женщина, — произнесла я. — И что нам надо развешаться. Я только что об этом узнала. Больше пока сказать нечего.

Молчание длилось недолго. Кирилл спросил:

— Она здесь была?

— Нет, — ответил Олег.

— А будет?

— Мы не обязаны сейчас обсуждать мою личную жизнь.

— С мамой обсуждать не обязательно, со мной тоже?

— Не разговаривай со мной в таком тоне.

— Каком?

— Ты прекрасно знаешь.

Кирилл был похож на отца сильнее, чем хотел признавать: те же густые брови, привычка упрямо выставлять подбородок. Но если Олег в тяжелом разговоре становился тише, сын говорил быстрее и иногда сбивался, когда не находил нужных слов.

— Я просто пытаюсь понять, — сказал Кирилл. — Ты решил, что мама уйдет, собрал чемодан, а потом сказал, что она мне не мать. Я что-то пропустил?

— Это сказано в контексте.

— В каком контексте можно так сказать?

Я знала, что сейчас он ждет от меня ответа не меньше, чем от отца. Я могла бы рассказать, как впервые держала его в своих руках, как он болел, как мы выбирали школьный рюкзак. Но любой такой список превращал бы его детство в доказательства по делу, которого никто из нас не собирался возбуждать.

— Папа очень неудачно выразился, — сказала я. — Мы с тобой знаем, кто мы друг другу.

Кирилл повернулся ко мне.

— Не надо за него объяснять.

От этих слов стало больнее, чем я ожидала. Я снова попыталась сгладить сказанное. Даже сейчас.

На стене над комодом висели семейные фотографии. На одной Олег держал трехлетнего Кирилла на плечах, на другой сын смеялся возле реки. На полке в гостиной стоял снимок Марины с маленьким Кириллом на руках. Он знал ее лицо с детства. Мы никогда не делали вид, что до моего появления у него не было мамы.

Сын подошел к коридору, ведущему в его комнату. Остановился у дверного проема.

— Пап, а ты хочешь, чтобы я здесь остался?

— Разумеется. Это твой дом.

— И чтобы я завтра делал вид, что мама просто поехала пожить в другое место?

— Никто не просит тебя притворяться. Вы будете общаться. Ты сможешь ездить к ней когда угодно.

— Как в гости?

— Кирилл, не надо из простых вещей делать сложные.

— Я пока даже не понимаю, где она будет жить.

Олег потер переносицу.

— Мама получит хорошие условия. Я не оставлю ее без помощи. У нас общая собственность, ее долю мы оценим. Никто никого не обманывает.

— Ты думаешь, я из-за денег спрашиваю?

— Тогда из-за чего?

Кирилл не ответил. Ушел к себе, оставив нас в коридоре.

— Куда ты? — окликнул Олег.

— К себе.

Через несколько секунд из его комнаты донесся стук выдвижного ящика.

Я посмотрела на мужа.

— Ты мог просто не говорить про мать.

— Я не собирался причинять тебе боль. Ты начала говорить «моя семья», «мой сын», хотя вопрос был о нас двоих. Я хотел объяснить, что нельзя вмешивать в это Кирилла.

— У тебя получилось.

Он отвернулся к окну.

Я пошла к сыну.

Кирилл стоял возле кровати и вытаскивал из шкафа рюкзак. Большой черный, с застежкой, которую он сам менял прошлой осенью. Рядом на покрывале лежали ноутбук, зарядка, паспорт и кошелек.

— Ты куда собрался? — спросила я.

— С тобой.

— Кирилл.

— Что?

— Давай не будем принимать решение за пять минут. Ты только что пришел, устал. Тебе еще на занятия завтра.

— Занятия от того, где я посплю, не отменятся.

— Это твой дом.

— Я знаю.

— И отец тебя любит.

— Мам, ну серьезно. Ты хочешь, чтобы я сейчас начал его оправдывать?

— Не хочу.

— Тогда зачем говоришь?

Я села на край стула у письменного стола. Сын вытаскивал носки из ящика, не попадая в отделение рюкзака. Пришлось несколько раз переделать. Руки у него подрагивали.

— Потому что у вас свои отношения. Я не хочу, чтобы ты делал что-то из жалости ко мне.

— Я не из жалости.

— Ты даже не знаешь, куда я поеду.

— Ты тоже не знаешь. Значит, разберемся.

— Ты можешь остаться и завтра подумать.

Кирилл сел напротив меня, положив рюкзак между ног.

— Я хочу тебя спросить одну вещь. Только не говори, что все нормально.

— Спрашивай.

— Ты правда сегодня впервые узнала?

— Да.

Он тихо выругался. Потом потер лицо ладонями и долго смотрел в пол.

— Я думал, вы поссорились, — сказал наконец. — Последние недели. Он как-то странно с тобой разговаривал. Но я думал, у вас из-за ремонта или работы. Не знаю. Я спрашивал его в прошлом месяце, все ли нормально. Он сказал, что у вас все как обычно.

— Мне он тоже так говорил.

— И сегодня решил сразу собрать вещи?

— Да.

— За тебя?

— Да.

Кирилл поднял голову.

— У меня нет желания здесь оставаться сегодня. Это не значит, что я больше никогда с ним не заговорю. Просто сегодня — нет. Можно?

— Можно, — сказала я. — Ты совершеннолетний. Я не могу запретить тебе уехать. Но я хочу, чтобы ты понимал, что не обязан быть со мной постоянно.

— Я и не собираюсь быть с тобой постоянно, — сердито ответил он. — У меня утром пара, а потом практика. Я просто не хочу ночевать здесь.

Он произнес это так обыденно, что я впервые за вечер чуть не улыбнулась. Его расписание никуда не делось. Он не собирался бросать учебу ради меня или делать из нашего ухода обещание на всю жизнь. Он хотел взять рюкзак и сегодня спать в другом месте.

— Хорошо, — сказала я. — Только давай сначала решим, где.

— У Ильи можно, но у него брат приехал. Я проверю гостиницы.

— Я сама оплачу.

— Я могу посмотреть варианты, а оплатишь ты. Так тебя устроит?

— Вполне.

Он достал телефон. Экран был весь в мелких царапинах. Я вспомнила, что уже месяц собиралась предложить ему поменять защитное стекло, и промолчала.

— Два отдельных места, — сказал Кирилл, листая варианты. — Не буду с тобой на одной кровати спать, извини.

— Сколько великодушия.

— Делаю что могу.

Мы оба на секунду улыбнулись. Он тут же отвернулся к экрану.

— Вот тут есть номер с двумя кроватями. Недалеко. Потом можно квартиру искать.

— Давай сначала переживем сегодняшний вечер.

Сын показал мне адрес и цену. Не шикарно, зато чисто и рядом с остановкой. На две ночи денег у меня хватало без всяких расчетов. Я кивнула.

— Тогда бронируй на мое имя, — сказала я. — И дай мне десять минут собрать вещи.

— Я быстро.

— Не торопись. Возьми то, что понадобится завтра.

— Мам, пожалуйста. Я умею собирать рюкзак.

— Прости.

Я вышла из его комнаты и задержалась в коридоре. Олег стоял на кухне у стола с телефоном в руке. Видимо, кому-то писал. Услышав мои шаги, убрал телефон экраном к ладони.

— Что он делает? — спросил муж.

— Собирается.

— Куда?

— Поедет со мной на ночь.

— Вера, это уже выходит за все рамки.

— Я просила его остаться. Он не хочет.

— Значит, попроси еще раз.

— Он тебя слышит. Ты можешь поговорить с ним сам.

— Я пробовал. Он ведет себя так, словно я ему враг.

— Он узнал о разводе случайно, сразу после того, как услышал, что я ему не мать. Дай ему хотя бы сегодняшний вечер.

— Вот именно, он услышал случайно. Нельзя принимать такие решения на эмоциях.

— Ты уже принял свое решение. Оно тоже касается его.

Олег медленно положил телефон на стол.

— Я не хочу терять сына.

Это было первое за вечер признание, не похожее на подготовленную фразу. Я посмотрела на него и вдруг увидела не уверенного мужчину, который распределил квартиры и вещи, а испуганного отца. Он действительно мог не представить себе, что Кирилл уйдет. В его плане сын оставался дома, ходил на занятия, ужинал на той же кухне, а новые взрослые постепенно становились привычными.

Мне захотелось сказать, что Кирилл остынет, что позвонит, что они обязательно помиряются. Но я не знала этого. И не должна была обещать за сына.

— Тогда разговаривай с ним, — сказала я. — Только не требуй, чтобы он сейчас тебя успокоил.

Я прошла в спальню.

В нашей спальне все оставалось на местах. На тумбе Олега лежала книга, которую он читал уже месяц. Возле моей стороны кровати стоял стакан воды. Постель утром застелила я, потому что Олег ушел раньше. Обычные вещи, которые пока никому не принадлежали отдельно.

Я открыла шкаф. Олег действительно положил в чемодан несколько вещей наугад: серый свитер, две пары брюк, голубую блузку, которую я надевала последний раз на встречу выпускников, и домашние тапочки. Не было белья, ночной рубашки и любимых черных джинсов. Зато в боковом кармане лежал флакон духов. Удивительно, что он вспомнил о нем.

Я вынула блузку и тапочки, положила то, что нужно. Пока складывала вещи, пыталась рассуждать практически. Две ночи в гостинице. Завтра позвонить по объявлениям о съемном жилье. Полине сдать страницы в срок. Не обсуждать имущественные вопросы без специалиста. Заменить пароль от рабочего ноутбука на всякий случай — не из страха, а потому, что в нем хранились чужие рукописи.

Потом открыла ящик с документами.

Наше свидетельство о браке лежало в прозрачной папке вместе с договором на квартиру и старыми страховыми полисами. Я положила в сумку свой паспорт, копии документов о собственности и банковские бумаги, которые принадлежали мне. Оригиналы документов на общую недвижимость остались в папке, их можно было забрать позднее. Ничего подписывать сегодня я не собиралась.

Под документами лежала маленькая фотография: мы с Олегом в первый год брака, Кирилл между нами, на нем слишком большая шапка с помпоном. На обороте моей рукой было написано: «Первый снег втроем».

В тот день мы опоздали на автобус, Кирилл промочил варежки, а Олег долго пытался убедить его, что снежки лучше лепятся голыми руками. Домой пришли мокрые и довольные. Вечером я выстирала мальчику шарф и повесила у батарееи.

Я не стала брать фотографию. Мне не хотелось решать ее судьбу наспех. Положила обратно и закрыла ящик.

Олег появился в дверях спальни.

— Я бы не хотел, чтобы ты копалась в документах одна, — сказал он.

Я обернулась.

— Это и мои документы.

— Я знаю. Просто сейчас все на нервах. Потом начнутся вопросы, что пропало и кто что взял.

— Я забрала свой паспорт, банковские бумаги и копии. Можешь посмотреть, если хочешь.

— Не надо устраивать проверку.

— Ты сам пришел посмотреть.

Он замялся.

— Я не так это представлял.

— Как?

— Что мы спокойно поговорим. Что ты расстроишься, конечно, но поймешь: жить во лжи еще хуже. Я не думал, что Кирилл вернется раньше.

— Если бы он пришел поздно, ты собирался сказать ему, что я сама решила пожить отдельно?

— Я собирался объяснить все постепенно.

— Тогда начини завтра с того, что это было твое решение. Не мое.

Олег отошел от двери, пропуская меня к тумбе.

— Я никогда не говорил, что ты плохая жена.

— Я услышала.

— Нет, правда. Ты очень много сделала для семьи. Для Кирилла особенно. Я это ценю.

Мне не хотелось, чтобы он перечислял мои заслуги. Я вышла за него замуж не для того, чтобы через восемнадцать лет получить благодарственное письмо.

— Тогда зачем ты сказал, что я ему не мать?

Олег провел рукой по лицу.

— Сорвался. Неудачно сказал. Хотел, чтобы ты не делала из Кирилла аргумент.

— Ты можешь извиниться перед ним за эту фразу. Только не сейчас, когда он пытается собраться. Дай ему время.

— А перед тобой?

Я посмотрела на него. Он не отвел глаз.

— Если ты хочешь извиниться, можешь это сделать. Я не буду подсказывать слова.

Он молчал, и я поняла, что сейчас ему нужнее получить от меня понятную реакцию, чем сказать то, что он сам считает нужным.

— Прости, — произнес он наконец. — Мне жаль, что все получилось так.

— Мне тоже.

Это были разные сожаления. От его извинения мне не стало легче.

Я застегнула чемодан и покатила его к двери. Колесико зацепилось за край ковра. Олег тут же потянулся к ручке.

— Давай помогу.

— Не надо. Я сама.

Он убрал руку.

Из комнаты Кирилла донесся стук, затем короткое ругательство. Я вышла из спальни.

— Все нормально? — позвала я.

— Да, — ответил сын. — Зарядку забыл. Сейчас.

У меня еще была возможность остановиться. Можно было поставить чемодан в шкаф, переодеться, заварить чай, попросить сына переночевать дома. Остаться в комнате с Олегом на разных краях кровати, завтра еще раз обсудить Наталью и квартиру, а потом решать дальше.

Но мысль провести ночь в этой спальне оказалась невыносимой. Я не хотела лежать рядом с ним и гадать, с кем он переписывается в телефоне. Не хотела слушать его осторожное дыхание, когда он делает вид, что спит.

Я не уходила потому, что меня лишили права находиться здесь. Я уходила, потому что сейчас не могла остаться.

В прихожей я надела пальто, проверила карман с кошельком и сунула перчатки в сумку. Из-за переполненного чемодана пришлось взять отдельный пакет для ноутбука, хотя у меня была прекрасная рабочая сумка. Я не могла вспомнить, куда поставила ее после последней поездки.

— Ты не взяла зарядку от ноутбука, — сказал Олег.

Он стоял у стола с черным проводом в руке. Я вспомнила, что оставила зарядку подключенной к розетке за столом.

— Спасибо.

Он отдал провод. Наши пальцы случайно соприкоснулись. Я знала эти руки — плотные, с короткими ногтями, с маленьким шрамом возле большого пальца, который Олег получил много лет назад, когда неудачно открывал банку. Неожиданно захотелось обнять его, прижаться, спросить, зачем он все испортил. Если бы он сейчас сказал, что передумал, я, наверное, хотя бы на мгновение поверила бы ему.

Вместо этого он спросил:

— У тебя есть деньги на гостиницу?

— Есть.

— Не надо отказываться из принципа. Я могу перевести.

— Деньги на моем счете не из принципа. Я работаю.

— Я знаю, Вера. Я не хотел тебя обидеть.

Я сложила провод в сумку.

— Тогда перестань говорить со мной так, будто я не справлюсь с двумя ночами вне дома.

Он замолчал.

Кирилл появился с рюкзаком. Сумку с чертежами он повесил на другое плечо. Я увидела среди вещей тонкую папку с рисунками и хотела спросить, не помнется ли бумага, но прикусила язык.

— Я вызову машину, — сказал он. — Номер забронирован.

— Я оплачу, — ответила я.

— Да, мы уже договорились.

— Ты взял таблетки от аллергии? — вырвалось у меня.

— Взял. И щетку. И паспорт. И даже трусы, мам.

— Последняя подробность была необязательной.

— Тогда больше не спрашивай.

В обычный вечер Олег улыбнулся бы этой перепалке. Сейчас он слушал нас, будто пытался понять, когда разговор вышел из-под его контроля.

— Кирилл, задержишься на минуту, — сказал он.

Сын остановился у двери, но рюкзак не снял.

— Я не ожидал, что ты так отреагируешь, — начал Олег. — Мы с Верой действительно расстанемся. Да, это мое решение. Но я остаюсь твоим отцом. Ты не обязан выбирать между нами.

— Я знаю.

— Тогда почему уезжаешь?

— Потому что сегодня мне здесь плохо.

— Тебе будет лучше в чужой гостинице?

Кирилл пожал плечами.

— Наверное, нет. Но я хочу быть с мамой.

— У нее сейчас непростой период, — сказал Олег. — Ей нужно успокоиться, а не брать на себя еще и твои проблемы. Ты ей поможешь, если останешься здесь и будешь нормально учиться.

— Я завтра пойду на учебу.

— А через два дня?

— Тоже. У меня расписание, пап. Оно не изменилось.

Олег посмотрел на меня.

— Вера, ты видишь, что происходит? Он делает это тебе в поддержку, а через неделю устанет мотаться туда-сюда. Скажи ему остаться.

Я взялась за ручку чемодана. Кисть вспотела, пластик неприятно скользил в пальцах.

— Кирилл сам решает, где ему сегодня ночевать, — сказала я.

— Я тебя не об этом просил.

— Я знаю.

— Ты же понимаешь, что завтра он может пожалеть?

— Если пожалеет, вернется. Он не теряет права приходить домой.

— Вот именно. Это его дом.

Кирилл поднял глаза на отца.

— Мамина доля тоже здесь, — сказал он. — Ты сам только что говорил. Почему ты разговариваешь так, будто она чужая?

Олег не ответил. На этот раз, кажется, ему действительно было нечего сказать.

Сын наклонился поднять пакет с пластиковым листом. Я предложила взять его, чтобы ему было удобнее нести сумку, но Кирилл отказался. Затем посмотрел на меня и тихо спросил:

— Ты все взяла?

Я проверила, закрыта ли сумка, есть ли телефон, ключи и документы. На брелке висел маленький металлический кораблик, который Кирилл привез мне из школьной поездки. Ключ от квартиры я оставила на связке. Он по-прежнему был мой.

— Да. Пойдем.

На лестничной площадке пахло краской: соседи снизу уже неделю ремонтировали дверь. Лифт стоял на первом этаже, и Кирилл нажал кнопку вызова. Я поставила чемодан рядом с ним.

Из квартиры вышел Олег.

— Кирилл, — позвал он. — Мы завтра поговорим?

Сын повернулся.

— Не знаю. Напиши мне. Я отвечу, когда смогу.

— Я могу за тобой заехать после занятий.

— Пока не надо.

Олег кивнул, хотя по лицу было видно, что ответ ему не понравился.

— Вера, если что-то понадобится...

— Я позвоню по делу, — сказала я.

Он не приблизился. Не предложил проводить нас до машины. Наверное, понимал, что сейчас и это будет лишним.

Лифт приехал с неприятным скрежетом. Кирилл сначала пропустил меня, потом втащил чемодан и собственные вещи. Двери закрылись, а я все еще смотрела на ту сторону, где стоял Олег. Последним я увидела его руку на дверном косяке.

На первом этаже Кирилл проверил телефон.

— Машина через четыре минуты. Я указал второй подъезд, там проще остановиться.

— Спасибо.

— Мам, ты точно нормально себя чувствуешь?

Я подумала и ответила честно:

— Не очень.

Он кивнул, будто другого ответа и не ждал.

— Я тоже.

Мы вышли под мелкий мокрый снег. На парковке остались лужи, у мусорных баков кто-то бросил сломанную коробку. В городе продолжался обычный вечер. Кирилл переставил чемодан на сухую плитку под козырьком и убрал телефон в карман.

— Мам, ты такси уже вызвала? — спросил он по привычке.

— Нет. Ты же вызвал.

— А, точно. Прости.

Я протянула руку и стерла с его щеки белую пыль от мастерской. Он недовольно поморщился, но не отстранился.

— Завтра сам умоюсь, — сказал он.

— Договорились.

Мы стояли рядом и ждали машину. Ни он, ни я не знали, куда поедем через два дня. В гостинице нас ждали две отдельные кровати, а утром у него были занятия, у меня — работа, которую я обещала закончить до обеда.

Кирилл замерз и натянул капюшон. Потом молча придвинул ко мне чемодан, чтобы я могла опереться на ручку, и снова стал следить за въездом во двор.

Глава 2. Два комплекта ключей

Водитель такси дважды посмотрел на нас в зеркало, прежде чем спросить:

— Багажник открывать?

— Уже поздно, — ответил Кирилл. — Мы чемодан сюда поставили.

— Я вижу. Просто на будущее.

Водитель включил поворотник и выехал со двора. На заднем сиденье между мной и сыном стоял пакет с ноутбуком. Кирилл прижимал к коленям пакет с пластиковым листом, который так и не успел отнести в свою комнату.

Мы молчали.

Я смотрела на знакомые дома за окном. Проехали аптеку, где я покупала Олегу лекарства от давления. Потом остановку, от которой Кирилл ездил в университет. Магазин тканей, куда я собиралась пойти еще с прошлого месяца.

Мне хотелось попросить водителя развернуться.

Не потому, что я передумала уходить. Просто я вышла из собственной квартиры так быстро, что не успела проверить, закрыла ли окно в спальне. Оно иногда плохо защелкивалось.

Я достала телефон.

— Что-то забыла? — спросил Кирилл.

— Окно, кажется, осталось открытым.

— Оно закрыто. Я видел, когда проходил мимо.

— Ты уверен?

— Мам, я же сказал.

Я убрала телефон.

Через минуту снова достала.

На экране было сообщение от Олега.

«Когда устроитесь, напиши».

Я прочитала его дважды.

Он не спрашивал, куда мы едем. Не предлагал вернуться. Писал так, будто мы отправились в гости и он хотел знать, добрались ли благополучно.

Я начала набирать ответ.

«Мы будем в гостинице на две ночи. Потом я...»

Стерла.

Написала другое.

«Все нормально».

Тоже стерла.

— Папа? — спросил Кирилл.

Я кивнула.

— Напиши, что доехали, — сказал он. — Чтобы не звонил водителю или еще кому-нибудь.

— Он не знает, на какой машине мы едем.

— Тогда просто напиши.

Я отправила короткое сообщение: «Добираемся. Все в порядке».

Олег ответил почти сразу.

«Хорошо. Завтра поговорим».

Я заблокировала экран.

— Он тебе написал? — спросила я сына.

— Да.

— Что?

— То же самое, наверное.

— Кирилл...

— Мам, не надо.

Он отвернулся к окну.

Я собиралась спросить, не хочет ли он хотя бы сообщить отцу, что с ним все хорошо. Но сын был рядом со мной. Я уже передала Олегу, что мы в порядке. Кирилл не исчез и не находился в опасности.

И все же мне казалось, что я должна сейчас что-то исправить.

В гостинице на стойке регистрации дежурила женщина лет пятидесяти. Она попросила наши паспорта, уточнила срок проживания и долго искала в компьютере нашу бронь на номер с двумя отдельными кроватями.

— Есть на третьем этаже, — сказала она наконец. — Окна во двор. Завтрак не включен.

— Подойдет, — ответила я.

— Оплата за двое суток сразу.

Я приложила карту к терминалу.

Кирилл стоял рядом, разглядывая объявление о запрете курения. Его рюкзак съехал на одно плечо, и он поминутно поправлял лямку.

— Вам два ключа? — спросила администратор.

— Да, пожалуйста.

Она выдала две пластиковые карты в бумажных конвертах.

Одну я протянула сыну.

Он посмотрел на нее и неожиданно усмехнулся:

— Удобно. Наконец можно не таскать связку с половиной подъезда.

— А половина подъезда у тебя откуда?

— От тебя. Ты мне все время какие-то запасные ключи отдаешь.

— Потому что ты теряешь свои.

— Один раз потерял.

— Два.

— Во второй раз нашел.

— Через месяц.

Администратор подняла глаза от компьютера. Я замолчала, но Кирилл уже улыбался.

Номер оказался маленьким, зато чистым. Две узкие кровати стояли вдоль противоположных стен. Между ними помещалась тумбочка с лампой и телефонным аппаратом, который выглядел так, будто его забыли здесь лет двадцать назад.

У окна был стол. На нем стоял электрический чайник и лежали два пакетика чая.

Кирилл сразу положил рюкзак на кровать у двери.

— Я здесь.

— Почему?

— Потому что у тебя ноутбук. У окна удобнее работать.

Я хотела возразить, что мне все равно, на какой кровати спать. Но стол действительно стоял ближе к окну.

— Спасибо.

Он снял куртку и сел на матрас. Пружины негромко скрипнули.

— Ого, — сказал Кирилл. — Надеюсь, соседи не решат, что мы тут мебель переставляем.

Я поставила чемодан возле шкафа.

— Ты голодный?

— Немного.

— Можно заказать ужин.

— Мам, здесь рядом круглосуточный магазин. Я видел вывеску.

— В магазин идти не обязательно. Мы можем заказать нормальную еду.

— А нормальная еда в магазине не продается?

Я вздохнула.

— Что ты хочешь?

— Сэндвич. Йогурт. И что-нибудь сладкое.

— Это не ужин.

— Тогда два сэндвича.

Кирилл встал, достал из кармана кошелек и посмотрел на меня.

— Тебе что взять?

Я сказала, что ничего не хочу.

Он задержался у двери.

— Ты сегодня обедала?

— Да.

— Во сколько?

— Кирилл, я не маленькая.

— Это я уже слышал.

Он дождался, пока я назову хотя бы примерное время, и ушел.

Оставшись одна, я открыла чемодан.

Олег аккуратно сложил мои вещи, и от этого стало особенно неприятно. Он помнил, что свитера лучше сворачивать, а не перегибать пополам. Помнил, какой флакон духов я беру в дорогу. Но почему-то не подумал, что мне может понадобиться самой решить, куда ехать.

Я вынула ночную рубашку, белье, косметичку. Проверила зарядку от ноутбука.

Потом села на кровать.

В соседнем номере работал телевизор. За стеной мужчина говорил по телефону, время от времени повышая голос. В коридоре кто-то катил чемодан с плохо вращающимся колесом.

Я прислушивалась к этим звукам, пока не поняла, что жду совершенно другого.

Шагов Олега.

Обычно в это время он уходил из гостиной в спальню, открывал шкаф, спрашивал, где его домашние брюки, хотя они всегда лежали на одной полке.

Я часто раздражалась на этот вопрос.

Сейчас мне отчаянно хотелось, чтобы он его задал.

Телефон лежал рядом.

Я открыла нашу переписку и начала листать назад.

В январе Олег писал, что задержится на два дня. Я ответила, чтобы он взял теплую куртку. В декабре он присылал фотографию автомобиля, который собирался посмотреть. В ноябре спрашивал, нужно ли купить хлеб.

Ничего особенного.

Девять месяцев другой женщины не выглядели в переписке как девять месяцев другой женщины.

Я пролистала до сентября.

«С годовщиной, Вер. Спасибо за все».

Так он написал мне в день восемнадцатой годовщины нашей свадьбы.

Я тогда ответила фотографией букета и сердечком.

Теперь смотрела на эти сообщения и пыталась вспомнить, в какой момент он окончательно решил уйти.

Наверное, был конкретный вечер, когда Олег пришел домой, сел за стол, поужинал и уже знал, что не собирается оставаться со мной.

Я в тот вечер могла рассказывать ему про работу. Или спрашивать, не купить ли новые полотенца.

Он слушал и ничего не говорил.

Дверь открылась.

Кирилл вернулся с пакетом. Вытащил два сэндвича, бутылку воды, йогурт и шоколадное печенье.

— Тебе взял салат, — сказал он. — Там курица какая-то. Посмотри, если хочешь.

— Я говорила, что не голодная.

— Знаю. Можешь не есть.

Он поставил контейнер на стол, сел на кровать и начал разворачивать сэндвич.

Я посмотрела на салат.

В гостиничном номере не было тарелок. Пришлось есть пластиковой вилкой из контейнера.

Курица оказалась пересоленной. Огурцы были хорошими.

— Спасибо, — сказала я.

— Угу.

Кирилл ел и одновременно листал что-то в телефоне.

— Только на кровать не кроши, — предупредила я.

Он поднял голову.

— Серьезно?

— Что?

— Мы уехали из дома, а ты все равно запрещаешь мне крошить на кровать.

Я посмотрела на него и неожиданно засмеялась.

Сын тоже улыбнулся, хотя через секунду снова занялся едой.

Потом мы по очереди сходили в душ. Кирилл разложил вещи, поставил телефон на зарядку и почти сразу лег.

— Во сколько будильник? — спросила я.

— В семь двадцать.

— У тебя же первая пара в девять.

— Мне в мастерскую надо заехать до занятий. Забрать деталь.

— Ты не выспишься.

— Посплю шесть часов. Ничего со мной не случится.

Я хотела предложить ему пропустить утреннюю поездку. Потом вспомнила, что завтра мне самой надо работать.

— Спокойной ночи, — сказала я.

— И тебе, мам.

Он отвернулся к стене.

Через десять минут его дыхание стало ровным.

Я выключила лампу.

Сон не приходил.

В обычной жизни я не особенно боялась гостиниц. Ездила к Полине в Москву, несколько раз останавливалась в Петербурге, однажды провела три дня в маленьком отеле во время редакторской конференции.

Но тогда я всегда знала, куда возвращаюсь.

Сейчас у меня были две оплаченные ночи.

Я стала считать, сколько денег понадобится на первое время. Аренда, залог, продукты, дорога. Доходы за март уже примерно знала, апрельские пока зависели от заказов.

Сбережений хватало, чтобы не паниковать из-за ближайших месяцев.

Однако я почему-то никак не могла перестать подсчитывать.

В половине второго Кирилл повернулся на другой бок.

Я посмотрела на его затылок, на растрепанные волосы, на руку, которую он вытянул из-под одеяла.

Когда он был маленьким, то иногда просыпался ночью и звал меня. Особенно после переездов. Не любил новые комнаты, долго привыкал к незнакомому виду из окна.

Однажды, когда ему было года четыре, он сказал, что боится забыть, как выглядит дом, пока спит.

Я тогда объяснила, что дом никуда не исчезнет.

Вспоминать это сейчас было мучительно.

Я повернулась к стене, закрыла глаза и стала слушать, как за окном проезжают машины.

Утром Кирилл встал по будильнику и около пяти минут искал носок.

— Он под кроватью, — сказала я, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Видела, как он туда улетел.

— А сразу сказать нельзя было?

— Ты спал.

Он вытащил носок, оделся и пошел умываться.

Я все-таки задремала под утро и теперь чувствовала себя разбитой. Во рту было сухо, глаза неприятно щипало.

Кирилл вернулся из ванной с мокрыми волосами.

— Я поехал.

— Подожди. Ты завтракать будешь?

— Куплю по дороге.

— У тебя деньги есть?

Он поднял брови.

— Мам.

— Все, молчу.

Сын подошел к моей кровати.

— Ты поспала хоть немного?

— Да.

— Врать не умеешь.

— Это ты у нас специалист?

— Я хотя бы не говорю, что выспался, когда всю ночь в телефон смотрел.

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Кирилл, — сказала я, — если сегодня отец позвонит...

— Я сам решу.

— Я только хотела сказать...

— Я знаю, что ты хотела сказать.

Он не повысил голос, но я все равно замолчала.

Сын накинул куртку и взял сумку с чертежами.

— Я вечером вернусь. Если задержусь, напишу.

— Хорошо.

— И квартиру без меня не выбирай. Мне тоже там жить.

— Справедливо.

Когда дверь закрылась, я впервые за много часов осталась совершенно одна.

Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы понять: гостиничный номер, в котором спят двое, и тот же номер, в котором остался один человек, — разные места.

Я включила ноутбук.

Документ с водонагревателями открылся на той же странице, которую я редактировала вчера.

В нем ничего не изменилось.

Обратный клапан по-прежнему был нарисован неправильно.

Я почти с благодарностью взялась за работу.

К одиннадцати исправила восемь страниц и написала автору письмо. Потом позвонила Полине.

— Ты живая? — спросила она вместо приветствия.

— Пока да. Я отправила правки.

— Вижу. Думала, сегодня прийдешь ближе к вечеру.

— Не спалось.

— Что случилось?

Я открыла рот, чтобы сказать, что ничего особенного.

Но Полина знала меня слишком давно.

— Мы с Олегом расходимся, — сказала я.

На другом конце линии стало тихо.

— Совсем? — спросила она.

— Да.

— Когда?

— Вчера.

— Вера...

— Он девять месяцев встречается с другой женщиной.

Полина выругалась.

Я даже не знала, что она так умеет.

— Где ты сейчас?

— В гостинице. С Кириллом.

— С Кириллом?

— Он сам решил поехать со мной.

— Понятно.

Я ожидала вопросов. Про любовницу, про квартиру, про то, собираюсь ли я разводиться.

Полина спросила другое:

— Деньги на первое время есть?

— Есть.

— Рабочий ноутбук с тобой?

— Да.

— Документы?

— Тоже.

— Хорошо. Значит, сейчас тебе не нужно за одну ночь решать всю жизнь.

Я посмотрела на листок, где успела расписать предполагаемые расходы на три месяца.

— Аренду решить нужно.

— Аренду да. Всю остальную жизнь можно пока оставить в покое.

Мне захотелось заплакать. Не из-за сочувствия. Оттого, что она разговаривала со мной как с человеком, который все еще способен принимать решения.

— Полин, я хотела спросить насчет работы.

— Спрашивай.

— У тебя есть еще проекты? Я могу взять больше часов.

— Есть кое-что. Но не торопись. Сначала нынешний материал закончи.

— Я справлюсь.

— Я не сомневаюсь. Просто мне нужен редактор, который видит ошибки в тексте, а не человек, который трое суток не спал и пытается забыться за работой.

— Ты сейчас испортила красивую картину моего профессионализма.

— Постаралась.

Она рассказала, что в конце месяца должен появиться новый заказ на учебные пособия. Объем пока уточнялся, сроки тоже. Обещать ничего не стала.

— Если подтвердят, обсудим, сколько ты возьмешь. Но без героизма, Вер. Мне потом некого будет искать на замену.

— Договорились.

— И еще. Если захочешь поговорить не про работу, звони вечером. Только не в три ночи. Я в три ночи тебя люблю меньше.

— Учту.

После разговора я почувствовала себя немного увереннее.

Потом открыла сайт с объявлениями об аренде.

Первую квартиру предлагали по цене, которая выглядела подозрительно привлекательной. На фотографиях было светло, чисто, в обеих комнатах стояла хорошая мебель.

Я позвонила.

Мужчина представился представителем собственника и сообщил, что желающих очень много. Предложил сразу перевести небольшую сумму, чтобы забронировать просмотр.

— Я еще не видела квартиру, — сказала я.

— Зато будете первой в очереди.

— Спасибо. Я предпочту посмотреть.

— Тогда ее заберут другие.

— Пусть.

Он отключился раньше меня.

Со второй квартирой оказалось проще. Собственница действительно согласилась показать жилье после обеда.

Я доехала туда на автобусе, поднялась на пятый этаж и остановилась на пороге.

Запах сигарет чувствовался еще в коридоре.

— У нас никто не курит, — сказала женщина.

За ее спиной на подоконнике стояла пепельница с окурками.

Я посмотрела на нее.

Хозяйка тоже посмотрела.

— Сын иногда приезжает, — пояснила она. — Но редко.

В маленькой комнате кровать занимала почти все пространство. Во второй стоял диван, у которого одна сторона заметно просела. Из крана на кухне капала вода.

Я спросила, можно ли привезти свое рабочее кресло.

— А зачем? — удивилась хозяйка. — У нас табуреты есть.

На этом мы расстались.

У третьего объявления фотографии оказались семилетней давности. Квартира выглядела иначе, да и цену собственник поднял после нашего разговора.

К четырем часам я устала сильнее, чем за целый рабочий день.

Кирилл позвонил, когда я стояла на остановке.

— Мам, ты где?

— Смотрю квартиры.

— Я же просил без меня не выбирать.

— Я не выбираю. Проверяю, какие объявления настоящие.

— Нашла что-нибудь?

— Пока выяснила, что табурет может заменить рабочее кресло.

— В каком смысле?

— В философском. Расскажу потом.

Он засмеялся.

— Я освобожусь через час. Могу подъехать.

— Не надо. Лучше возвращайся в гостиницу. Я тоже скоро буду.

— Ладно. Только пришли адрес, где ты сейчас.

Я отправила ему геолокацию ближайшей остановки.

Через несколько минут пришло новое сообщение от Олега.

«Ты определилась с жильем? Квартира, о которой я говорил, свободна».

Я посмотрела на объявление перед собой. Там была квартира на другом конце города, дороже предыдущих, но с хорошей кухней.

«Я сама ищу», — написала я.

Олег позвонил.

Мне очень не хотелось разговаривать с ним на остановке, среди людей, которые возвращались с работы. Но я все-таки ответила.

— Да?

— Вера, ты получила сообщение?

— Получила.

— Почему отказываешься хотя бы посмотреть вариант?

— Потому что ты выбрал его без меня.

— Это какая-то демонстрация независимости?

— Нет. Я просто хочу сама решить, где жить.

— Там хорошие условия. Собственник мой знакомый, договоримся без лишних вопросов.

— Именно поэтому я не хочу.

Олег помолчал.

— Ты сейчас любую помощь воспринимаешь в штыки.

— Ты можешь помочь мне с тем, что действительно нужно. Например, не торопить с имущественными решениями.

— Я тебя не тороплю.

Я вспомнила чемодан у двери, но не стала напоминать.

— Тогда вернемся к этому на следующей неделе.

— Хорошо. А Кирилл где?

— На занятиях. Уже скоро освободится.

— Я ему звонил.

— Знаю.

— Почему он не берет трубку?

— Не знаю, Олег. Спроси у него, когда он ответит.

— Ты могла бы с ним поговорить.

— Я уже разговаривала. Он сейчас не хочет обсуждать вчерашнее.

— Вера, я же не чужой ему человек.

— Никто и не говорит, что чужой.

— Тогда объясни ему это.

Я посмотрела на маршрут автобуса, который подъезжал к остановке.

— Мне нужно ехать.

— Мы еще не закончили.

— По поводу квартиры я ответила. По поводу Кирилла решать ему самому. Остальное обсудим позже.

Олег тяжело вздохнул.

— Хорошо. Позвони, если понадобится.

Я завершила разговор.

Автобус оказался переполненным. Пришлось ехать стоя, держась за холодный поручень.

Рядом женщина разговаривала с кем-то по телефону и подробно объясняла, почему ее ребенок отказался есть суп. Чуть дальше подросток слушал музыку без наушников.

Я вдруг подумала, что еще вчера раздражалась бы из-за шума. Сейчас он помогал не возвращаться мысленно к каждому слову Олега.

Кирилл встретил меня в гостинице с бумажным пакетом.

— Я взял пироги, — сообщил он. — Там рядом пекарня. Еще горячие.

— С чем?

— С картошкой и мясом. Один с капустой. Но я его уже съел.

— Очень предусмотрительно.

— Мог вообще все съесть.

Он разложил еду на столе. Мы поужинали, потом стали смотреть объявления вместе.

Кирилл сразу отсеял несколько вариантов.

— Здесь до университета почти час с пересадкой. Нет.

— Зато цена хорошая.

— Мам, я буду каждый день ездить. Ты же не хочешь, чтобы я по два часа тратил на дорогу?

— Не хочу.

— А здесь почему одна комната?

— Там диван в кухне-гостиной.

— Ты будешь работать рядом с холодильником?

— Я и дома иногда работала на кухне.

— Дома у тебя был кабинет.

Это слово заставило меня остановиться.

Кабинетом мы называли маленькую комнату возле спальни. Там стояли мой рабочий стол, книжный шкаф и кресло. Олег иногда приходил туда, чтобы что-то распечатать. Кирилл приносил свои макеты, когда хотел показать новый проект.

Вчера я ушла, оставив на столе монитор и половину словарей.

— Пока могу работать за ноутбуком, — сказала я.

— Пока — да. Но ты же не собираешься всю жизнь так.

— Нет.

Кирилл пролистал еще несколько объявлений.

— Вот смотри. Две комнаты. Недалеко от остановки. Хозяйка сдает только на три месяца.

— Почему?

— Написано, что потом сама возвращается.

Я взяла телефон.

Квартира находилась в спокойном районе, откуда Кирилл мог без пересадок добираться до университета. На фотографиях были две небольшие комнаты, чистая кухня и старый, но приличный санузел.

Я позвонила по указанному номеру.

Ответила женщина с низким голосом.

Она действительно уезжала на три месяца к дочери и хотела сдать квартиру до начала июня. Договор была готова оформить официально, залог требовала в размере половины месячной оплаты.

— Сколько вас будет проживать? — спросила она.

— Двое. Я и сын. Ему двадцать лет, он студент.

— А вы работаете?

— Да. Редактором, удаленно.

— Сын курит?

Я посмотрела на Кирилла.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Животные есть?

— Нет.

— Хорошо. Завтра в одиннадцать сможете посмотреть?

Я согласилась.

Когда разговор закончился, Кирилл сказал:

— Вот эта мне нравится.

— Ты еще внутри не был.

— На фотографиях нравится. Это уже достижение.

Он открыл на ноутбуке карту и стал считать время до университета.

Я смотрела, как он сосредоточенно водит пальцем по экрану, и вспоминала, каким маленьким он был, когда мы впервые вместе выбирали ему школьный рюкзак.

Тогда он хотел красный, с огромным изображением автомобиля. Олег настаивал на темном, немарком. Я предложила посмотреть все варианты и дать ребенку выбрать самому.

Кирилл выбрал красный.

Через неделю пожалел, потому что автомобиль на нем оказался похож на игрушку для дошкольника.

Олег потом еще полгода напоминал, что предупреждал.

Я не напоминала. Мне было достаточно того, что сын сам понял свою ошибку.

Почему же сейчас я так хотела проверить каждое его решение заранее?

— Ты будешь завтра в одиннадцать свободен? — спросила я.

— Между занятиями будет полтора часа. Должны успеть.

— Тогда поедem вместе.

Он кивнул и снова уткнулся в карту.

Ночью я спала чуть лучше.

Проснулась около шести от того, что Кирилл негромко разговаривал по телефону.

— Нет, я сегодня не могу, — говорил он. — Завтра привезу. У меня детали дома остались.

Пауза.

— Да не знаю я. Надо съездить.

Он заметил, что я проснулась, и отвернулся к окну.

— Все, потом. Давай.

Я села на кровати.

— Что случилось?

— Ничего. В мастерской детали нужны.

— Они дома?

— Да. Я вчера не взял пару коробок. И инструмент.

— Можем заехать.

— Не хочу.

Он сказал это слишком быстро.

Я поправила подушку.

— Ты имеешь право забирать свои вещи.

— Я знаю.

— Можно выбрать время, когда папы не будет.

— Я не хочу устраивать секретные операции ради коробки с пластиком.

Он потер лицо ладонями.

— Я Глебу позвоню. Может, поможет забрать.

При имени Глеба я немного удивилась.

Глеб Зорин приходился Кириллу родным дядей. Старшим братом Марины, первой жены Олега.

С ним мы были знакомы почти восемнадцать лет, но близкими людьми так и не стали.

Глеб приезжал на дни рождения Кирилла, иногда забирал его к себе на выходные, водил на рыбалку и в мастерскую. После четырнадцати лет Кирилл стал бывать у него чаще. Их объединяли инструменты, двигатели и любовь к занятиям, после которых приходилось отмывать руки специальной пастой.

Со мной Глеб всегда держался корректно.

Не грубил, не спорил, не пытался учить меня воспитывать племянника.

Но я не помнила, когда он в последний раз спрашивал, как у меня дела, если это не касалось Кирилла.

— Он знает, что произошло? — спросила я.

— Я вчера сказал.

— И что он ответил?

— Спросил, где мы живем. Потом сказал, что если нужна машина, можно позвонить.

— Понятно.

Кирилл посмотрел на меня.

— Ты не против?

— Почему я должна быть против?

— Вы же не особенно общаетесь.

— Мы нормально общаемся.

Сын усмехнулся.

— Мам, вы друг другу на всех праздниках говорите одно и то же. «Здравствуйте, Глеб». «Здравствуйте, Вера». «Как работа?» «Нормально». И все.

— Это называется вежливость.

— Это называется, что вы восемнадцать лет не можете придумать другую тему.

Я хотела возразить, но не нашла убедительного примера.

— Звони, — сказала я. — Если он свободен, пусть поможет.

В одиннадцать мы приехали смотреть квартиру. Из гостиницы уже выписались и взяли вещи с собой: обе оплаченные ночи закончились, а продлевать номер на сутки мы не стали. Если бы квартира не подошла, пришлось бы искать другую гостиницу.

Хозяйка, Светлана Аркадьевна, оказалась невысокой женщиной с короткой стрижкой и привычкой сначала говорить о недостатках, а потом о достоинствах.

— Дом старый, — предупредила она, открывая дверь. — Лифт иногда ломается. Балкон не застеклен. Соседи сверху с маленьким ребенком, поэтому днем бывает шумно. Но ночью тихо.

Я вошла и поставила чемодан возле двери.

В прихожей пахло чистящим средством и свежестырированным бельем. На стене висела деревянная полочка для ключей. Под ней стояла узкая обувница.

Первая комната была небольшой. Диван, стол, книжный шкаф. Окно выходило во двор.

Во второй помещались кровать, письменный стол и комод.

Кирилл сразу подошел к столу.

— А его можно будет немного передвинуть?

— Если пол не поцарапаете, передвигайте, — ответила хозяйка.

Он достал телефон, открыл заметки и стал прикидывать размеры.

— У меня макеты, — пояснил он. — Иногда большие. Я все буду на подложке делать, мебель не испорчу.

— Главное, чтобы соседи не жаловались на шум.

— Я дома ничего не пилю и не сверлю.

— Это хорошо.

На кухне был обычный холодильник, газовая плита, стол у окна и четыре разных стула.

Я проверила кран, открыла шкафы, заглянула в ванную. Стиральная машина работала, хозяйка даже показала, как переключается программа.

— Сдаю ровно на три месяца, — повторила она. — С начала марта до начала июня. Потом возвращаюсь.

— Нас устраивает.

— Платеж первого числа. Залог половина месячной оплаты. Коммунальные по счетчикам отдельно. В договоре все укажем.

Я уточнила, можно ли работать удаленно и принимать иногда коллегу.

— Конечно. Только без шумных компаний.

Кирилл поднял голову.

— Мам, здесь нормально.

Я тоже так считала.

Не прекрасно. Не уютно с первого взгляда. Просто здесь можно было жить.

Мы обсудили договор, проверили документы друг друга. Светлана Аркадьевна показала выписку о собственности. Я прочитала условия, попросила уточнить порядок возврата залога и записать показания счетчиков.

Хозяйка не возражала.

— Вы обстоятельная, — сказала она.

— Профессиональная деформация.

— Юрист?

— Редактор.

— А, тогда понятно. У меня зять тоже все запятые проверяет.

Мы подписали договор.

Оплата прошла банковским переводом, хозяйка подтвердила получение и выдала два комплекта ключей.

Один я взяла себе. Второй протянула Кириллу.

Он покрутил связку на пальце.

— Вот и новая база.

— Только не потеряй.

— Мам!

Светлана Аркадьевна улыбнулась.

— Он у вас взрослый. Двадцать лет уже.

— Взрослый, — согласилась я.

Мне хотелось добавить, что взрослый человек вполне способен потерять ключи. Но Кирилл смотрел на меня с таким выражением, что я промолчала.

После подписания договора хозяйка ушла, оставив номер телефона и список показаний счетчиков.

Мы остались вдвоем.

Кирилл прошелся по комнатам, открыл окно, проверил розетки.

— Я могу в маленькой комнате поставить свой стол? — спросил он.

— Там уже есть стол.

— Он узкий. Для ноутбука хватит, а макеты не помещаются. Я имею в виду свой складной.

— Конечно.

— А ты будешь работать в большой?

— Наверное. Там светлее.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня.

— Ты не расстроилась, что квартира маленькая?

Вопрос застал меня врасплох.

— Нет. Почему?

— Ну... раньше у нас было больше места.

— Кирилл, мне сейчас важно, чтобы было где работать и спать. Все остальное постепенно решим.

— Ладно.

Он заглянул в холодильник.

— Тут даже морозилка нормальная.

— Ты что, собираешься хранить там свои детали?

— Нет, — ответил он с оскорбленным видом. — Я собираюсь хранить там пельмени.

Мне стало смешно.

Мы решили, что я останусь в квартире, а Кирилл поедет за вещами.

Глеб должен был забрать его возле университета и отвезти домой. Олег заранее сообщил сыну, что после обеда будет занят и они смогут спокойно пройти в квартиру.

Я уточнила, нужна ли моя помощь.

— Нет, мам. Мы сами справимся.

Он ушел, забрав рюкзак и список вещей, который составил в телефоне.

Я осталась в пустой съемной квартире.

Не совсем пустой: здесь были чужие чашки, полотенца, диван и несколько книг на полке.

Но ни одна вещь еще не принадлежала нам.

Я открыла холодильник. Пусто.

Проверила шкафы. Нашла пачку соли, чай и несколько пакетиков сахара.

Потом прошла в большую комнату и села на диван.

Ткань была жестковатой. Подушка чуть проваливалась посередине. Из окна виднелась детская площадка, где женщина в ярко-зеленой куртке помогала ребенку залезть на горку.

Мне предстояло прожить здесь три месяца.

Я попыталась представить себе обычное утро. Встать, сделать чай, открыть ноутбук, начать работу. Кирилл уйдет в университет, потом вернется. Мы будем ужинать, спорить из-за немытой посуды, обсуждать его макеты.

Ничего невозможного.

Но когда я представила, что Олег больше не придет вечером и не спросит, что у нас на ужин, у меня неприятно сжалось горло.

Я достала телефон.

Нашла фотографию, сделанную прошлым летом.

Мы сидели на даче у знакомых. Олег держал шампуры, Кирилл спорил с ним о том, сколько еще жарить мясо. Я фотографировала их и смеялась, потому что они оба были уверены в своей правоте.

Наталя тогда уже существовала.

Я открыла галерею и стала смотреть фотографии за последние девять месяцев.

На большинстве были Кирилл, еда, рабочие страницы, случайные снимки городских улиц. Олег появлялся редко. Иногда он вообще отворачивался от камеры.

Я пыталась понять, замечала ли это раньше.

Или теперь выбирала только те подробности, которые подходили к уже известному ответу.

Дверной звонок заставил меня вздрогнуть.

На пороге стоял курьер с пакетами из магазина.

— Доставка продуктов.

— Я ничего не заказывала.

— Квартира сорок шесть?

— Да.

Он назвал номер телефона. Кириллов.

Я расписалась в получении и занесла пакеты на кухню.

Внутри были хлеб, молоко, яйца, макароны, сыр, куриное филе, яблоки и упаковка печенья.

На телефон пришло сообщение от Кирилла:

«Мам, чтобы ты не бегала по магазинам. Остальное докупим вечером».

Я посмотрела на продукты.

Кирилл не любил ходить за покупками. Еще в прошлом месяце мы спорили, потому что он мог три дня жить на макаронах, если дома не было ничего готового.

А теперь он заказал продукты сам.

Мне захотелось немедленно позвонить ему и поблагодарить.

Я набрала номер.

— Мам, я за рулем не сижу, но сейчас неудобно, — сказал он после второго гудка. —

Что случилось?

— Продукты привезли.

— А. Ну отлично.

— Спасибо.

— Да ладно.

— Ты все очень хорошо выбрал.

— Мам, я просто заказал еду. Не надо делать из этого событие.

Я улыбнулась.

— Хорошо. Не буду.

— Мы скоро приедем. Глеб со мной.

Связь оборвалась.

Я стала раскладывать продукты по шкафам, стараясь запомнить, куда что положила.

Через сорок минут во дворе остановился темный универсал.

Я увидела его из окна.

Глеб вышел первым. На нем была короткая темно-серая куртка. Он открыл багажник и достал длинную коробку, перевязанную ремнями.

Кирилл вытащил из машины рюкзак и пластиковый ящик.

Я поспешила к двери.

Пока спускалась на первый этаж, они уже вошли в подъезд.

— Здравствуйте, Глеб, — сказала я.

Он остановился на лестнице и посмотрел на меня поверх коробки.

— Здравствуй, Вера. Куда это нести?

— На второй этаж. Но давайте я помогу.

— Не надо. Лучше придержи дверь.

Я поднялась вперед и открыла квартиру.

Глеб занес коробку в комнату, куда Кирилл собирался поставить складной стол. Осторожно положил ее на пол.

— Тут что? — спросила я.

— Мои детали, — ответил сын.

— Они такие тяжелые?

— Там еще крепления. И две формы.

Глеб выпрямился и потер ладони.

— Еще одна коробка в машине. Но та легкая.

— Я схожу, — сказал Кирилл.

Когда он вышел, мы с Глебом остались вдвоем.

Я заметила, что у него на рукаве куртки было темное масляное пятно. Он, вероятно, приехал прямо из мастерской.

— Спасибо, что помогли, — сказала я.

— Не за что. Кириллу вещи нужны были.

Он осмотрел комнату.

— Нормально здесь. Стол крепкий.

— Вы тоже сначала смотрите на стол?

Глеб повернулся ко мне.

— А на что еще смотреть? Работать ему где-то надо.

Я невольно улыбнулась.

— Кирилл сказал почти то же самое.

— Значит, в чем-то я на него все-таки повлиял.

Он говорил спокойно, без попытки произвести впечатление. Я вспомнила, сколько раз видела его за нашим праздничным столом. Глеб обычно сидел рядом с племянником, слушал его рассказы, иногда спорил с Олегом о машинах.

Со мной разговаривал мало.

Сейчас он тоже не знал, о чем говорить.

Я подошла к окну.

— Как дела в мастерской?

Глеб посмотрел на меня с легким удивлением.

— Нормально. К сезону готовимся. Моторов много привезли, половину надо было обслуживать еще осенью.

— Кирилл говорил, что вы нового мастера искали.

— Нашли. Пока учится. Парень толковый, но торопится.

Он снял куртку и аккуратно повесил на спинку стула.

— А ты как?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я даже не сразу поняла, что он спрашивает обо мне, а не о переезде.

— Пока разбираюсь, — ответила я.

Глеб кивнул.

Он не стал спрашивать, что сказал Олег, давно ли у него любовница и собираюсь ли я прощать.

Вместо этого спросил:

— У тебя рабочее место будет?

— В большой комнате. Пока за ноутбуком.

— Монитор, наверное, дома остался?

— Да.

— Если понадобится, можно будет забрать. Только заранее скажи, когда. У меня сейчас много заказов.

— Хорошо. Спасибо.

Он посмотрел на пустую стену над столом.

— Розеток мало.

— Я заметила.

— Удлинитель нормальный купи. Не самый дешевый.

Я рассмеялась.

— Вот теперь узнаю вас, Глеб.

— Почему?

— Вы даже о квартире умеете поговорить через инструмент.

Он на секунду задумался.

— А что еще тут обсуждать? Квартира пока пустая.

Я снова засмеялась.

В этот момент вернулся Кирилл с коробкой.

— Что тут смешного?

— Твой дядя объясняет мне, как правильно выбирать удлинитель.

Кирилл закатил глаза.

— Не начинайте. Я уже это слышал.

Глеб взял у него коробку и поставил рядом с первой.

— А я и тебе еще раз скажу. Ты свой старый удлинитель выброси. У него вилка греется.

— Я его не использую.

— Я видел вчера.

— Это был другой.

— Конечно.

Они спорили так привычно, что я неожиданно почувствовала себя лишней. Не потому, что меня не замечали. Просто у них была своя общая жизнь, о многих подробностях которой я знала только приблизительно.

Я никогда особенно не интересовалась лодочными моторами. Кирилл рассказывал о них, когда возвращался от Глеба, но я обычно спрашивала, поел ли он и не промочил ли обувь.

Теперь слушала, как они обсуждают какую-то деталь, и понимала, что сын давно научился делать вещи, названия которых мне ничего не говорили.

— Так, — сказал Глеб. — Большое привезли, мелочь тоже. Что еще?

Кирилл посмотрел в телефон.

— Все. Остальное потом.

— Тогда я поехал.

Я проводила их до двери.

— Глеб, спасибо, — повторила я.

Он остановился.

— Ты уже говорила.

— Знаю. Но все равно.

— Ладно. В следующий раз можешь один раз сказать.

Я улыбнулась.

Он надел куртку.

— Если понадобятся коробки или машина, звони. Только не в самый последний момент.

— Постараюсь.

— Кирилл, — позвал он, — я тебе фотографии деталей вечером пришлю. Посмотри крепления.

— Хорошо.

Глеб ушел.

Я закрыла дверь и повернулась к сыну.

— Он всегда такой?

— Какой?

— Суровый.

Кирилл засмеялся.

— Глеб? Да он нормальный.

— Я не говорю, что ненормальный.

— Он просто не любит много разговаривать. Особенно когда устал.

— Понятно.

Сын начал распаковывать коробку.

— А вообще он смешной. Только шутит редко. Ты, наверное, не замечала.

Я посмотрела на закрытую дверь.

Действительно не замечала.

До вечера мы разбирали вещи.

Кирилл собрал складной стол, я помыла кухонные шкафы, хотя хозяйка явно оставила их чистыми. Потом мы переставили диван немного ближе к стене.

Оказалось, что в квартире не хватает обычных мелочей: губок для посуды, бумажных полотенец, нормального ножа, настольной лампы.

Мы составили список.

— Сколько у нас денег на бытовые покупки? — спросил Кирилл.

— Пока достаточно.

— Это не ответ.

— Это точный ответ. Просто без цифр.

Он сел на кухонный стул.

— Мам, я хочу участвовать в расходах.

— Ты уже продукты заказал.

— Я не про один раз.

Я поставила перед ним чашку чая.

— Кирилл, ты учишься. У тебя есть свои расходы.

— Я еще работаю.

— Знаю.

— Тогда давай договоримся. Я могу каждый месяц давать деньги на продукты.

Я посмотрела на него.

Он говорил серьезно, без желания показать взрослость. Просто хотел понятных правил.

— Сколько тебе будет удобно? — спросила я.

— Восемь тысяч.

— Много.

— Я в прошлом месяце заработал двадцать четыре. Мне нормально.

— У тебя материалы для учебы стоят дорого.

— Не каждый месяц.

Мы немного поспорили.

В итоге договорились о шести тысячах в месяц, если у него будет подработка. Остальные продукты я покупала сама. Аренду и коммунальные платежи брала на себя.

— И без возврата долгов, если у тебя какой-то месяц не будет заработка, — сказала я.

— Ладно.

— Это не плата за проживание.

— Я понял.

— Просто участие в расходах.

— Мам, я понял с первого раза.

Я подняла руки.

— Все, молчу.

Он отпил чай.

— А почему именно на три месяца квартиру сняли? — спросил Кирилл.

— Потому что хозяйка потом возвращается. И мне нужно время решить, что делать дальше.

— Ты хочешь покупать свою?

— Думаю об этом. После того как решим вопрос с папиной квартирой.

— Она не папина. Ваша общая.

— Ты прав. Наша общая.

Сын помолчал.

— Папа сегодня звонил четыре раза.

Я перестала вытирать стол.

— Ты ответил?

— Нет.

— Он очень переживает.

Кирилл посмотрел на меня.

— Ты с ним разговаривала?

— Вчера днем. Он спрашивал, где ты.

— И что ты сказала?

— Что ты на занятиях. Я не рассказывала, где мы будем жить. Думаю, это мы должны решить вместе.

Сын кивнул.

Потом достал телефон, открыл переписку и показал мне экран.

От Олега было несколько сообщений.

«Нам надо спокойно поговорить».

«Не хочу, чтобы ты из-за нашего развода разрушал отношения со мной».

«Кирилл, ответь на звонок».

Последнее пришло десять минут назад.

«Если тебе неприятно говорить, хотя бы напиши, что все нормально».

Я прочитала и вернула телефон.

— Может, отправишь последнее? — предложила я. — Просто что ты в порядке.

Кирилл нахмурился.

— Мам, я знаю, что он написал.

— Я вижу. Просто он волнуется.

— И что?

— Ничего. Я не заставляю.

— Ты сейчас опять хочешь, чтобы я ему ответил, потому что тебе его жалко?

Я не нашла сразу.

Олег действительно переживал. Я знала, как он боялся потерять расположение сына. И все-таки Кирилл имел право не разговаривать с ним сегодня.

— Наверное, да, — призналась я. — Привыкла, что мы всегда старались не ссориться надолго.

— Но вы с ним уже поссорились надолго.

— Это другое.

— Для тебя другое. А для меня тоже неприятно.

Я села напротив сына.

— Я понимаю.

— Ты все равно сейчас думаешь, как ему написать так, чтобы он не обиделся.

Я посмотрела на свой телефон, лежавший рядом с чашкой.

Он был прав.

Я несколько раз за день мысленно составляла сообщение Олегу. Объясняла, что Кирилл не отказывается от него, просто сейчас обижен. Подбирала слова, которые не вызовут нового спора.

Как будто это по-прежнему входило в мои обязанности.

— Я не буду за тебя отвечать, — сказала я.

Кирилл кивнул.

— Спасибо.

Он заблокировал телефон.

Через несколько минут ушел разбирать свои вещи.

Я осталась на кухне с двумя чашками.

Раньше после таких разговоров я всегда шла к Олегу. Рассказывала, что сын расстроен, предлагала дать ему время, убеждала не давить.

Иногда потом шла к Кириллу и просила не быть слишком резким с отцом.

В итоге оба успокаивались, а я чувствовала, что сделала полезное дело.

Теперь я впервые не стала никуда идти.

В пятницу утром пришло письмо от автора пособия.

Он согласился исправить схему водонагревателя, но прислал еще шесть замечаний к тексту. Два оказались разумными, четыре я отклонила.

Работать на новом месте было неудобно.

Экран стоял слишком низко, кресло отсутствовало, а стол слегка качался. Я подложила под ножку сложенную картонку и решила, что в ближайшие дни все-таки заберу свое рабочее кресло.

Кирилл ушел после завтрака, оставив в раковине тарелку.

Я посмотрела на нее.

Потом на закрытую дверь.

Мне хотелось позвонить и напомнить, что посуду нужно мыть сразу.

Я не позвонила.

Вместо этого помыла тарелку сама, а вечером собиралась сказать ему об этом. Не все вопросы требовали немедленного решения.

Около полудня позвонила Полина.

— Как устроилась?

— Сняли квартиру. На три месяца.

— Хорошо. Работать можешь?

— Пока с некоторыми неудобствами.

— Стол есть?

— Есть. Кресла нет.

— Купи.

— У меня дома свое хорошее осталось.

— Значит, заberi.

Она спросила, получила ли я замечания автора, и мы около получаса обсуждали работу. Потом Полина сказала, что новый проект, о котором она упоминала, предварительно подтвердили.

— Но окончательные условия будут на следующей неделе. Пока ничего не обещаю.

— Я понимаю.

— Если все получится, там будет приличный объем.

— Мне сейчас это очень кстати.

— Только не бери столько, что потом будешь спать по три часа.

— Я уже сплю больше.

— Поздравляю. Еще немного, и станешь человеком.

Мы закончили разговор, и я вернулась к пособию.
К четырем часам у меня заболела спина. Я встала, размяла плечи, прошлась по квартире.
В комнате Кирилла было шумно: он оставил вентилятор включенным. На столе лежали чертежи, маленькая отвертка и пластиковые детали.
Я выключила вентилятор.
Хотела убрать отвертку, но остановилась. Сын наверняка знал, где она лежит.
Вернулась на кухню.
Нужно было приготовить ужин.
Я открыла холодильник, достала курицу и стала решать, что сделать на гарнир.
В половине пятого Кирилл написал:
«Мам, мы с Ильей после мастерской собираемся к Сашке. У него новый принтер, хотим проверить одну штуку. Я поздно буду».
Я ответила: «Хорошо. Ужин оставить?»
«Не надо, мы поедим».
Я убрала курицу обратно в холодильник.
Потом снова достала.
Мне ведь тоже надо было ужинать.
Я приготовила одну порцию, и это оказалось страннее, чем я ожидала.
Не потому, что я никогда не ела одна. Ела, конечно. Олег часто задерживался, Кирилл оставался у друзей.
Но сейчас мне не нужно было оставлять вторую тарелку в духовке, накрывать ее крышкой, чтобы не остыла, и думать, когда кто-нибудь вернется.
Я поела за кухонным столом, открыла ноутбук и посмотрела начало старого фильма.
Через двадцать минут выключила.
Слишком много разговоров. Мне хотелось чего-то тихого.
Я вымыла посуду, развесила белье, проверила рабочую почту.
Было только семь вечера.
Я посмотрела на телефон.
От Кирилла больше ничего не приходило.
Он честно предупредил, что задержится. Я знала Илью и Сашку. Они дружили несколько лет. Иногда вместе работали над учебными проектами, иногда просто играли в компьютерные игры до ночи.
Ничего необычного.
И все-таки я поймала себя на том, что прислушиваюсь к звукам подъезда.
Когда в соседней квартире хлопнула дверь, я подошла к своей.
Остановилась и рассердилась на себя.
Кирилл не обещал возвращаться рано.
Я вернулась на кухню и решила заняться чем-то полезным.
Протерла уже чистую столешницу.
Проверила, выключена ли плита.
Разложила квитанции и договор аренды в отдельную папку.
Потом открыла банковское приложение и посмотрела остаток на счете.
Деньги, работа, жилье — за последние три дня я решила больше практических вопросов, чем ожидала от себя.
Но вечером мне все равно хотелось, чтобы кто-нибудь пришел домой.
В восемь тридцать Олег написал:
«Вера, я хочу узнать, все ли нормально у Кирилла. Он по-прежнему не отвечает».
Я некоторое время смотрела на сообщение.
Потом напечатала:

«Сегодня он был на занятиях. Сейчас у друзей. Он в порядке».
Ответ пришел почти сразу.
«Спасибо. Я очень скучаю по нему».
Я прочитала и не ответила.
Олег написал еще:
«И по нашей прежней жизни тоже».
Я положила телефон на стол.
Вот это было уже несправедливо.
Он скучал по прежней жизни, которую сам решил закончить. По привычному ужину, по сыну, который возвращался домой, по женщине, которая знала, где лежат его вещи.
Но мне нельзя было вернуть эту жизнь простым ответом на сообщение.
Я открыла переписку и набрала:
«Ты сам...»
Стерла.
Начала снова.
«Олег, я понимаю, что тебе...»
И это стерла.
Я не знала, что именно хотела ему сказать.
Возможно, хотела, чтобы он признал, насколько больно мне сделал. Не общими словами, не сожалением о том, как все получилось. А так, чтобы ему самому стало неловко вспоминать чемодан у двери.
Телефон остался лежать на столе.
Я пошла в большую комнату, открыла шкаф и достала тонкую кофту. В квартире было прохладно.
На крючке возле входа висела моя старая связка ключей. Ключ от общей квартиры, магнитный ключ от подъезда, ключ от почтового ящика. На кольцо — металлический кораблик, который Кирилл привез мне из школьной поездки.
Рядом лежала новая связка.
Два ключа от входной двери и маленький ключ от почтового ящика. Хозяйка прикрепила к кольцу красную пластиковую бирку с номером квартиры.
Я сняла старые ключи с крючка и положила рядом с новыми на тумбу.
Оба комплекта открывали двери, за которыми находились мои вещи.
Но ни один не отвечал на вопрос, где теперь будет моя семья.
Я взяла старую связку.
Вспомнила, как Кирилл в начальной школе стоял возле нашего подъезда и ждал меня после занятий. Олег задержался, бабушка уехала, а я неправильно рассчитала время.
Мальчик тогда очень обиделся.
Сказал, что в следующий раз будет носить ключи сам и никогда не станет меня ждать.
Мы действительно сделали ему отдельную связку. Он потерял ее через три месяца, потом нашел в кармане старой куртки.
Я улыбнулась этому воспоминанию.
Потом почувствовала, как у меня начинает болеть лицо от попытки удержать улыбку.
На телефон пришло сообщение.
«Мам, мы у Ильи останемся. Саша тоже. Завтра утром поедем в мастерскую, потом домой. Нормально?»
Я прочитала.
Ответ был очевидным.
Кириллу двадцать лет. Он находится у друзей, которых я знаю. Утром у него дела. Он предупредил, где будет.

Ничего страшного.

Но у меня почему-то задрожали пальцы.

Я представила, как он возвращается сейчас. Ставит у двери ботинки, идет на кухню, открывает холодильник и спрашивает, осталось ли что-нибудь поесть.

Я бы сказала, что оставила ужин.

Потом мы немного поговорили бы о его проекте. Он показал бы мне очередную деталь, которую я не смогла бы правильно назвать.

И я пошла бы спать, зная, что за стеной кто-то есть.

Мне очень захотелось написать: «Лучше приезжай домой».

Не потому, что ему грозила опасность.

Просто я не хотела оставаться одна.

Я открыла переписку, набрала первые слова и остановилась.

Кирилл ничего плохого не сделал.

Он не бросал меня. Не отказывался от нашей семьи. Не выбирал отца вместо меня.

Он просто собирался переночевать у друга.

Я стерла сообщение.

Написала:

«Нормально. Спасибо, что предупредил. Хорошо вам отдохнуть».

Он ответил веселой рожицей и коротким:

«До завтра, мам».

Я положила телефон экраном вниз.

Потом еще раз взяла его, чтобы посмотреть, не написал ли Олег.

Ничего нового.

В квартире было тихо. Сверху иногда слышались шаги, за стеной работал телевизор.

Я пошла к входной двери, проверила замок.

Закрето.

Вернулась к тумбе и взяла новые ключи.

Один комплект Кирилл носил с собой. Второй лежал у меня в руке. А рядом оставались старые, от квартиры, где Олег сегодня, наверное, ужинал с Натальей.

Я не знала, позвонит ли сын завтра по дороге из мастерской. Не знала, когда мы окончательно разберемся с жильем и что будет с нашей общей квартирой.

Зато знала, что могу сейчас написать Кириллу, попросить приехать, и он, скорее всего, придет.

От этой мысли стало немного легче.

И почти сразу — стыдно.

Я положила оба комплекта ключей на тумбу, выключила свет в прихожей и пошла спать.

Сыну я больше не писала.

Но телефон оставила рядом с подушкой, хотя раньше всегда ставила его заряжаться на столе.

Глава 3. До всей этой истории

К середине марта я научилась открывать кухонный шкаф с первого раза.

В первые дни постоянно путала дверцы. Чашки искала возле холодильника, крупы — над раковиной, а пакет с мусором однажды по привычке поставила туда, где раньше стояло ведро. Обнаружила его только вечером, когда Кирилл спросил, почему у нас под столом лежит кожура от картошки.

Сын тоже привыкал к новому жилью, хотя выражалось это иначе. Он перестал спрашивать, где что лежит, зато начал оставлять обувь посреди прихожей. В нашей прежней квартире за это ругал его Олег. Здесь пришлось мне.

— Я ее через десять минут надену, — объяснял Кирилл.

— Ты так вчера сказал.

— Вчера я действительно через десять минут ушел.

— Через три часа.

— Значит, ошибся в расчетах.

Я подвинула его кроссовки к стене.

— Тогда пересчитай.

Кирилл засмеялся, схватил со стола яблоко и убежал на занятия.

Такие мелочи неожиданно помогали мне больше, чем сочувственные разговоры. Сын по-прежнему забывал мыть посуду, спорил о количестве соли в макаронах и мог полчаса искать телефон, который лежал у него в кармане.

Он оставался собой.

А я постепенно переставала вздрагивать каждый раз, когда в прихожей открывалась дверь.

С Олегом мы общались редко.

Он дважды предлагал встретиться для обсуждения квартиры. Я попросила сначала прислать письменное предложение о выкупе моей доли. Через несколько дней он отправил сообщение с приблизительной суммой и контактом оценщика.

Я ответила, что найду независимого специалиста и после оценки вернусь к разговору.

Олег написал: «Как скажешь».

Раньше после такого ответа я обязательно позвонила бы и спросила, не обиделся ли он.

Теперь телефон остался лежать на столе.

Мне и без того хватало дел.

В среду утром я наконец привезла из прежней квартиры рабочее кресло и монитор. Олега дома не было. Мы заранее договорились о времени, чтобы не встречаться без необходимости. Кирилл помог загрузить вещи в машину знакомого, а я заодно забрала из шкафа коробку с блокнотами и несколько папок с распечатками.

Когда вернулась, пришлось почти час разбираться с проводами.

Изображение на мониторе так и не появилось.

Я уже собиралась искать инструкцию, когда Кирилл заглянул в комнату.

— Мам, у тебя переходник не тот.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты взяла старый.

— Они одинаковые.

— Снаружи.

Он принес свой переходник, подключил монитор, проверил изображение и показал мне разъем.

— Все.

— Спасибо.

— Только мой вечером верни. Мне нужен.

Я посмотрела на черный переходник, который сама неделю назад убеждала его не оставлять на кухне.

— Верну.

— И не забудь, пожалуйста.

Мне очень хотелось сказать что-нибудь про немытую тарелку, но я удержалась.

Кирилл ушел, а я села в свое кресло.

Оно было потертым на подлокотниках, с небольшой царапиной возле колесика. Покупали мы его лет пять назад. Я тогда долго выбирала модель, читала отзывы, сравнивала высоту спинки. Олег привез кресло домой, собрал за двадцать минут и потом несколько месяцев говорил, что оно удобнее его собственного.

Я положила ладони на подлокотники.

Обычная вещь.

И все-таки, впервые за две недели сев на привычное место, я почувствовала себя не временной постоялицей, а человеком, у которого есть работа и собственные дела.

В десять позвонила Полина.

— Вер, у тебя есть возможность сейчас открыть документы?

— Есть. Я за компьютером.

— Отлично. Помнишь серию пособий, про которую говорила?

— Конечно.

— Нам подтвердили договор. Я хочу предложить тебе основной редакторский блок.

Я выпрямилась.

— Какой объем?

— Три пособия для колледжей. Первое по организации производственных процессов, второе по технической документации, третье по охране труда при обслуживании оборудования. Авторы разные, качество разное, как обычно. Общий срок до сентября, но сдавать будем этапами.

— Сколько страниц?

Полина назвала приблизительный объем.

Я открыла блокнот.

— А кто проверяет техническую часть?

— Авторы и приглашенный специалист. Ты не должна определять, какой ток допустим для конкретного оборудования. Твоя задача — сделать так, чтобы студент понимал написанное, а определения не противоречили сами себе на соседних страницах.

— Тогда интересно.

— Деньги тоже интересные.

Она назвала сумму за первый этап.

Я даже переспросила.

— Ты не ослышалась, — сказала Полина. — Но учти, что там большой объем. И автор первого пособия очень любит длинные предложения.

— Длинные — это сколько?

— Одно я вчера считала. Девяносто четыре слова.

— Он пытался сэкономить на точках?

— Видимо, считает их расходным материалом.

Я рассмеялась.

Полина объяснила порядок работы. В конце марта нужно было принять первый пакет, в апреле провести редактуру, затем согласовать изменения с авторами. Оплата поступала после каждого принятого этапа, а не целиком осенью.

Это меня устраивало.

За последние две недели я уже успела посчитать наши расходы и понимала, сколько месяцев смогу спокойно прожить на накопления.

Дополнительный заказ давал возможность не только оплачивать аренду, но и откладывать деньги, пока мы с Олегом решали вопрос общей квартиры.

— Мне нужно до вечера посмотреть договор, — сказала я.

— Посмотри. Особенно сроки. Я помню, что ты сейчас решаешь бытовые вопросы, поэтому сразу говори, если нагрузка слишком большая.

— Я справлюсь.

— Не надо отвечать автоматически.

— Полин, я не отвечаю автоматически. Я действительно хочу этот проект.

Она немного помолчала.

— Хорошо. Тогда договорились.

После разговора я открыла присланные документы.

План работ был составлен аккуратно, но в приложении обнаружились два разных срока сдачи одного и того же раздела.

Я написала Полине.

«В третьем приложении ошибка. Уточни дату приемки второго этапа».

Она ответила через минуту:

«Вот за это я тебе и плачу».

Я улыбнулась.

Следующие два часа занималась договором и расписанием. Разделила работу на недели, оставила запас на авторские правки, посчитала, сколько времени потребуется для обычных заказов.

В какой-то момент поймала себя на том, что впервые за последние дни не посмотрела на телефон, проверяя, не написал ли Олег.

Оказалось, что я могу несколько часов думать исключительно о своей работе.

Это было приятное открытие.

После обеда пришел Кирилл.

Он не поздоровался из прихожей, как обычно, а сразу направился ко мне.

— Мам, у тебя минут пять есть?

Я подняла глаза от монитора.

— Что случилось?

— Ничего. Посмотри.

Он положил передо мной телефон.

На экране было открыто письмо.

Я увидела логотип учебной программы, несколько строк официального текста и фамилию сына.

— Тебя куда-то приглашают?

— Я прошел первый отбор.

Кирилл улыбался так широко, что я сразу улыбнулась в ответ, хотя еще ничего толком не поняла.

— Поздравляю! А куда?

— В Екатеринбург. Я же рассказывал.

Я перечитала письмо.

Организаторы семестровой программы по промышленному дизайну сообщали, что портфолио Кирилла прошло предварительную оценку. Его приглашали на следующий этап: дистанционный просмотр проектов с преподавателями и обсуждение технического задания.

Окончательное решение должны были принять летом.

— Подожди, — сказала я. — Это та самая программа, куда ты хотел отправить макет?

— Да.

— А ты уже отправил?

— В январе.

Я подняла голову.

— В январе?

— Мам, я тебе говорил.

Я попыталась вспомнить.

В январе Кирилл действительно несколько вечеров возился с проектом. Показывал мне чертежи и спрашивал, не слишком ли сложно звучит название.

Я тогда еще сказала, что название должно объяснять суть работы, а не производить впечатление на комиссию.

Но про реальный отбор в другом городе помнила смутно.

— Ты говорил, что хочешь участвовать в конкурсе, — произнесла я.

— Так я и участвую.

— Я думала, это просто конкурс проектов.

— Это конкурс на программу. Я же показывал тебе описание.

Он сел на край дивана.

— Там один семестр можно учиться в другой лаборатории. У них оборудование хорошее, преподаватели из разных вузов, совместные проекты с производителями. Потом вернусь и закончу свой университет.

Я еще раз посмотрела на письмо.

— То есть ты на несколько месяцев уедешь?

— Если пройду все этапы.

— И когда?

— В сентябре.

До сентября оставалось почти полгода.

Почему-то я сразу начала считать месяцы.

— А проживание?

— Общежитие предоставляют.

— Бесплатно?

— По условиям программы да.

— Дорога?

— Сам оплачиваю. Или мы договоримся. У меня есть деньги.

— Питание?

Кирилл перестал улыбаться.

— Мам, я пока только прошел первый отбор.

— Я понимаю. Просто нужно заранее знать расходы.

— Я все посчитал.

Он открыл другую заметку.

Там действительно была таблица: дорога, питание, материалы для учебы, личные расходы, примерные цены.

Я пробежала глазами цифры.

— А это что?

— Запас.

— На что?

— На непредвиденные расходы.

— Ты сам составлял?

Кирилл посмотрел на меня с таким выражением, что я поняла, насколько глупо прозвучал вопрос.

— Нет, мам. Случайный человек на улице дал мне таблицу.

— Не язви.

— Тогда не спрашивай так, будто я впервые увидел калькулятор.

Я закрыла рот.

Кирилл забрал телефон, но не ушел.

— Ты рада вообще?

— Конечно рада.

— По тебе не видно.

Я протянула руку и поправила воротник его толстовки, который завернулся внутрь.

Он привычно увернулся.

— Кирилл, это прекрасная возможность. Правда. Просто я не ожидала, что все настолько серьезно.

— Я еще не поступил.

— Но первый этап прошел.

— Да.

Он снова улыбнулся.

Я встала и обняла его.

Кирилл сначала застыл, потому что я редко бросалась обниматься посреди рабочего дня. Потом обнял в ответ.

— Молодец, — сказала я. — Очень тобой горжусь.

— Спасибо.

Он отстранился.

— Только никому пока не рассказывай. Особенно папе. Я сам скажу, когда захочу.

— Хорошо.

— И не надо покупать билеты.

Я засмеялась.

— Я еще не успела.

— Ты уже глазами маршрут строишь.

— Это профессиональное.

— Ты редактор, а не диспетчер.

— Одно другому не мешает.

Он ушел на кухню искать еду.

Я осталась перед монитором.

Письмо от Полины было открыто рядом с таблицей рабочих этапов. До сентября мне предстояло закончить три пособия, а Кирилл собирался провести осенний семестр в другом городе.

Я представила, как мы утром разойдемся по делам: он отправится в университет, я останусь за столом.

Потом вспомнила, что если все получится, осенью он будет просыпаться за тысячу с лишним километров отсюда.

Мне не понравилась эта мысль.

Я сразу начала убеждать себя, что пока рано переживать.

В конце концов, Кирилл только прошел предварительный отбор.

До окончательного решения было еще много времени.

Вечером он разложил на кухонном столе фотографии проектов.

Я собиралась приготовить ужин, но он попросил сначала посмотреть.

— Мне надо решить, какие работы оставить для следующего этапа.

— Давай.

На экране ноутбука появилась модель небольшого переносного стола. Он предназначался для работы с учебными макетами в ограниченном пространстве.

Складные опоры, регулируемая высота, сменная рабочая поверхность.

— Это тот, который ты у Глеба делал? — спросила я.

— Часть. Каркас мы у него собирали, а саму модель я дома дорабатывал.

— А я думала, вы там лодки чините.

— Он лодки чинит. Я у него иногда оборудование использую.

Кирилл открыл следующую фотографию.

На ней было видно, как стол складывается.

— Смотри. В обычном положении он занимает много места. А здесь убираются боковые опоры.

— А если на него сильно надавить?

— Мы проверяли нагрузку. Только окончательный вариант еще надо доработать.

— С Глебом?

— Да. Он помог с креплением. У него механик хороший, Андрей. Он подсказал, где металл лучше усилить.

Я рассматривала фотографии.

Глеб действительно много занимался с племянником. Я знала, что они встречаются, что Кирилл помогает в мастерской, получает деньги за некоторые работы.

Но никогда не думала, сколько всего они успели сделать вместе.

— А почему ты мне не показывал, как собирали каркас? — спросила я.

Кирилл удивился.

— Я показывал.

— Когда?

— В январе. Помнишь, принес домой фотографии? Ты еще сказала, что на кухне не надо раскладывать грязные детали.

Я вспомнила.

На столе действительно лежали металлические пластины, от которых остались следы. Я рассердилась, потому что незадолго до этого помыла кухню.

— Я помню детали, — сказала я.

— Вот.

Он переключил фотографию.

— А здесь вид сбоку.

Я некоторое время молча смотрела на экран.

Потом спросила:

— Тебе нужна моя помощь с описанием?

Кирилл пожал плечами.

— Возможно. Но пока я сам хочу выбрать работы.

— Хорошо.

Он показал еще два проекта.

Один касался удобной упаковки инструментов для учебной мастерской, другой — держателя для планшета, который можно закрепить на разных рабочих поверхностях.

Я задавала вопросы. Иногда он отвечал охотно, иногда говорил, что пока сам не определился.

Когда мы закончили, Кирилл закрыл ноутбук.

— Спасибо.

— За что?

— Что посмотрела.

Он убрал технику со стола.

Я хотела сказать, что всегда готова смотреть его работы.

Но ведь он только что напомнил, что показывал их мне раньше.

Я действительно смотрела.

Просто не всегда видела то, что было важно ему.

На следующий день мы поехали в прежнюю квартиру за оставшимися рабочими мелочами.

Олег заранее написал, что его не будет до вечера. Кирилл хотел забрать большой коврик для резки и несколько коробок с материалами. Я собиралась взять настольную лампу и папки с договорами.

Глеб предложил помочь с перевозкой.

Я не просила его об этом. Кирилл договорился сам, предупредив, что в машину может не поместиться длинный коврик.

— Не надо каждый раз привлекать дядю, — сказала я сыну, когда мы выходили из подъезда.

— Мама, у него большая машина. Он сам предложил.

— У него работа.

— Я спросил, когда ему удобно.

— Просто не хочется пользоваться его добротой.

Кирилл остановился.

— Он мой дядя. Мы не чужие.

Я поправила ремень сумки.

— Знаю.

— Тогда перестань говорить так, будто я прошу случайного человека перевезти холодильник.

Возразить было нечего.

Глеб ждал у машины.

На этот раз он был в темном свитере и джинсах. В руках держал бумажный стаканчик с кофе.

— Добрый день, — сказала я.

— Привет.

— Спасибо, что согласились помочь.

— Вера, мы опять начинаем?

Я не поняла.

— Что начинаем?

— Ты в прошлый раз трижды благодарила. Сегодня давай сразу договоримся, что я сам согласился приехать.

Кирилл рассмеялся.

— Я ей то же самое говорил.

— Прекрасно, — ответила я. — Теперь вас двое.

Глеб открыл багажник.

— Значит, шансов убедить больше.

Я хотела съязвить, но он уже повернулся к сыну.

— Что забирать?

Кирилл начал перечислять.

Пока они обсуждали, как лучше уложить длинные коробки, я посмотрела на Глеба внимательнее.

Восемнадцать лет я видела его в основном за праздничным столом или возле машины, когда он привозил Кирилла после выходных.

Он почти всегда был занят. Иногда приезжал с пятном краски на рукаве, иногда с порезанным пальцем, который заклеивал пластырем уже у нас в прихожей.

Олег называл его упрямым.

Глеб в ответ говорил, что предпочитает работать руками, а не обсуждать чужую работу.

Они не ссорились всерьез, но и близкими друзьями не были.

Я никогда особенно не задумывалась, каким Глеб бывает вне этих семейных встреч.

Сейчас он стоял рядом с Кириллом, слушал его объяснения и не пытался торопить. Когда сын предложил положить коврик поперек салона, Глеб спросил, уверен ли он, что тот не повредится.

Кирилл подумал и признал, что лучше уложить иначе.

Никакого спора не последовало.

Я вдруг вспомнила, сколько раз Олег начинал похожий разговор словами: «Делай, как я сказал».

— Поехали? — спросил Глеб.

Я кивнула.

В квартире было тихо.

Я открыла дверь своим ключом, и на секунду мне показалось, что я просто вернулась из магазина.

У входа стояли Олеговы ботинки. На вешалке висело его пальто. Из гостиной доносилось тиканье настенных часов.

В воздухе пахло чистящим средством.

Я никогда не пользовалась таким.

Олег, вероятно, купил другое.

Или купила Наталья.

Я постояла в прихожей, потом сняла обувь.

— Мам, мы в мою комнату, — сказал Кирилл.

— Хорошо.

Глеб остался у двери.

— Мне проходить?

— Конечно. Вы же за вещами приехали.

Он снял ботинки и аккуратно поставил рядом.

Я прошла в кабинет.

Мой стол остался на месте. Только монитора и кресла больше не было. Теперь он выглядел непривычно пустым.

На подоконнике стояла небольшая керамическая чашка для скрепок. Кирилл подарил ее мне несколько лет назад, когда увлекался лепкой из глины.

Я взяла чашку.

Внутри лежали скрепки, две кнопки и маленькая металлическая гайка неизвестного происхождения.

Эту чашку тоже следовало забрать.

Я открыла шкаф и стала собирать папки.

В нижнем отделении обнаружилась длинная спортивная сумка.

Сначала я не поняла, что в ней. Потом увидела ручку ракетки.

— Надо же, — сказала я вслух.

Я достала старую ракетку для настольного тенниса.

Резиновое покрытие на одной стороне немного отошло. На ручке сохранилась наклейка с моей девичьей фамилией.

Рябинина.

Я провела по ней пальцем.

Когда-то эта ракетка постоянно лежала у меня в сумке.

В институте мы играли в настольный теннис между занятиями. Я участвовала в любительских соревнованиях факультетов, однажды даже заняла второе место.

Потом вышла замуж, появились другие дела. Кирилл был маленьким, Олег часто уезжал, а я все откладывала возвращение в спортивный зал.

Ракетка переезжала с нами из квартиры в квартиру.

Последний раз я держала ее в руках, кажется, лет восемь назад.

— Ты играешь? — спросил Глеб за спиной.

Я обернулась.

Он стоял в дверях кабинета. Кирилл, судя по голосу из соседней комнаты, разговаривал с кем-то по телефону.

— Когда-то играла.

— Серьезно?

— Почему вы удивились?

— Никогда не видел.

— Вы много чего обо мне не видели.

Я сказала это спокойно, но Глеб почему-то задержал на мне взгляд.

— Пожалуй, — согласился он.

Он подошел ближе и посмотрел на ракетку.

— Старая.

— Спасибо, я заметила.

— Покрытие менять надо.

— Я не просила экспертизу.

Глеб усмехнулся.

— А я не мог пройти мимо неисправного оборудования.

Я подняла ракетку.

— Она исправна. Просто давно не использовалась.

— Проверить можно.

— На ком?

— На мне, например.

Я посмотрела на него.

— Вы играете?

— Иногда.

— Хорошо?

— Достаточно.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он улыбнулся.

Я неожиданно почувствовала, что хочу проверить.

Не потому, что мне нужно было чем-то заняться после разговора с Олегом. И не потому, что Глеб предложил помощь.

Мне просто захотелось сыграть.

— Где? — спросила я.

— В спортзале недалеко от мастерской. Там столы сдают по часам. Иногда по пятницам с ребятами ходим.

— И сегодня?

— Сегодня у меня после трех свободно примерно час.

Я посмотрела на часы.

Было половина второго.

— У меня еще работа.

— Значит, не сегодня.

Он сказал это без разочарования и уже собирался выйти.

— А если ненадолго? — спросила я.

Глеб остановился.

— Хватит?

— Чтобы выяснить, кто из нас лучше играет, вполне.

Он взглянул на ракетку.

— С таким покрытием тебе будет сложно.

— Я могу взять прокатную.

— Можешь.

— Тогда договорились.

Глеб посмотрел на меня с заметным интересом.

— Договорились.

Я положила ракетку в сумку.

Впервые за долгое время мне хотелось поскорее закончить домашние дела не потому, что кто-то меня ждал, а потому, что впереди было что-то приятное.

Мы отвезли вещи в съемную квартиру.

Кирилл остался распаковывать материалы. Я сказала ему, что ненадолго поеду в спортивный зал.

Сын поднял голову от коробки.

— С кем?

— С Глебом.

— Зачем?

— Играть в настольный теннис.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом засмеялся.

— Мам, ты серьезно?

— А что тебя удивляет?

— Я вообще не знал, что ты умеешь.

— Много чего обо мне не знаешь.

— Я и не спорю.

Он вытащил из коробки пластиковую деталь.

— Только осторожнее. Глеб терпеть не может проигрывать.

Я улыбнулась.

— Значит, вечер будет интересным.

Глеб ждал у подъезда.

— Готова? — спросил он.

— Да.

Он открыл машину с брелока.

Я села на пассажирское сиденье и вдруг вспомнила, что раньше почти всегда ездила с ним сзади, рядом с Кириллом. Когда сын был маленьким, это было естественно: он сидел в детском кресле, я следила, чтобы не отстегнул ремень.

Позже просто сохранилась привычка.

Теперь рядом со мной никого не было.

Глеб заметил, как я поправляю сиденье.

— Неудобно?

— Нет. Просто далеко отодвинуто.

— Я вчера высокого клиента возил. Он чуть коленями панель не сломал.

— Вы часто клиентов возите?

— Нет. Но этот приехал за мотором без машины. Думал, что унесет его сам.

— И?

— Не унес.

Я рассмеялась.

Глеб выехал со двора.

— Ты давно не играла?

— Лет восемь точно.

— Тогда не жди чудес.

— Вы так говорите, будто уже победили.

— Я просто предупреждаю.

— Очень благородно.

Он улыбнулся краем рта.

Я смотрела в окно и ловила себя на странном ощущении.

С Олегом я прожила восемнадцать лет. Мы ездили вместе тысячи раз. Я знала, как он держит руль, когда торопится, как раздражается на медленных водителей, как проверяет зеркала перед поворотом.

Глеб вел машину иначе. Спокойнее. Не пытался проскакивать на желтый, не комментировал чужие ошибки.

Мне было непривычно.

И неожиданно любопытно.

Спортзал находился в небольшом комплексе возле старого промышленного района.

На первом этаже работала секция единоборств, на втором стояли столы для настольного тенниса. В коридоре пахло спортивной обувью и свежим кофе из автомата.

Администратор узнала Глеба.

— Опять пришли проигрывать? — спросила она.

— Сегодня у меня другой соперник.

Женщина посмотрела на меня.

— Тогда удачи вам.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

Глеб взял две прокатные ракетки и несколько мячей.

Я переобулась в кроссовки, которые забрала вместе с ракеткой. Они давно лежали в той же спортивной сумке и почти не сносились.

Стол стоял у окна.

Глеб положил мяч на ладонь.

— Разомнемся?

— Давайте.

Первые несколько ударов я испортила.

Мяч попадал в сетку, улетал в сторону, один раз ударился о край стола и покатился под скамейку.

— Нормально, — сказал Глеб. — Рука вспомнит.

— Я не просила утешать.

— Я и не утешаю. Просто говорю, что пока играешь плохо.

Я посмотрела на него.

Он невозмутимо поднял мяч.

— Очень приятно с вами общаться, — сообщила я.

— Взаимно.

Через десять минут стало лучше.

Я начала попадать по углам, правильно принимать подачу и несколько раз заставила Глеба отступить от стола.

Он перестал улыбаться.

— Вот теперь интересно, — сказал он.

— А до этого было скучно?

— До этого я боялся, что тебе не понравится.

— Мне нравится выигрывать.

— Заметил.

Мы начали считать очки.

Первую партию Глеб взял уверенно.

Во второй я стала играть осторожнее. Не пыталась ударить сильнее, чем могла, заставляла его двигаться и ждать ошибки.

На счете девять — девять он подал слишком коротко.

Я успела подставить ракетку.

Мяч упал на его половине возле самой сетки.

— Десять — девять, — сказала я.

Глеб посмотрел на мяч, потом на меня.

— Неожиданно.

— Вы предупреждали, что чудес ждать не стоит.

— Я уже пересмотрел прогноз.

Следующий розыгрыш затянулся.

Глеб дважды отправлял мяч почти к краю стола. Я едва успевала. На последнем ударе он попытался сыграть по диагонали, но попал в сетку.

— Одиннадцать — девять, — объявила я.

Он опустил ракетку.

— Ладно. Честно.

— Что честно?

— Хорошо играешь.

Я не удержалась от довольной улыбки.

Глеб протянул руку через стол.

— Поздравляю.

Я пожала ее.

Ладонь у него была теплая, пальцы немного шероховатые. Я заметила это только потому, что обычно мы почти не прикасались друг к другу.

Он задержал мою руку на секунду дольше, чем требовало обычное поздравление.

Потом отпустил.

— Еще партию? — спросил он.

Я посмотрела на часы.

У нас оставалось пятнадцать минут.

— Бойтесь закончить на поражении?

— Да.

Он ответил настолько серьезно, что я засмеялась.

Мы сыграли еще.

На этот раз Глеб выиграл с небольшим преимуществом.

В последнем розыгрыше я слишком резко потянулась к мячу и задела бедром край стола.

— Черт!

Глеб обошел стол.

— Ушиблась?

— Нет. Почти.

— Дай посмотрю.

— Что вы собираетесь смотреть?

Он остановился и впервые за весь день заметно смутился.

— Ничего. Неудачно сказал.

Я рассмеялась еще сильнее.

— Глеб, у меня обычный синяк будет. Не надо вызывать ремонтную бригаду.

Он покачал головой.

— С тобой сложно.

Я перестала смеяться.

Слова были сказаны легко, без раздражения.

Но Олег иногда тоже говорил, что со мной сложно. Особенно когда я спорила с его решением.

Глеб заметил, что я замолчала.

— Что?

— Ничего.

— Я что-то не то сказал?

Я посмотрела на него.

Могла отмахнуться. Сказать, что устала.

Вместо этого ответила:

— Просто одна фраза напомнила неприятное.

Он не стал спрашивать подробности.

— Понял.

Мы вернули ракетки и вышли в коридор.

Глеб купил два стаканчика воды из автомата. Один протянул мне.

— Спасибо.

— За игру или за воду?

— Пока за воду.

— А за игру?

— Посмотрим, как будете вести себя в следующий раз.

Он улыбнулся.

Я прислонилась к подоконнику и сделала несколько глотков.

За окном был обычный мартовский день. Машины проезжали по мокрой дороге, у входа в соседнее здание двое мужчин курили возле урны.

Мне было жарко после игры. Волосы выбились из заколки, на щеке, наверное, осталось красное пятно от усилия.

Я не чувствовала себя особенно красивой.

Но когда Глеб посмотрел на меня, мне вдруг захотелось поправить волосы.

Я даже начала поднимать руку, потом остановилась.

Он заметил это движение.

— Что-то случилось?

— Нет. Просто растрепалась.

— После игры бывает.

— Очень полезное наблюдение.

— Могу еще несколько сделать.

— Не надо. На сегодня достаточно.

Мы стояли рядом и улыбались.

В этом не было ничего определенного. Ни признаний, ни обещаний, ни планов.

Просто мужчина, которого я знала много лет, смотрел на меня с неожиданным интересом.

А я вдруг обнаружила, что мне нравится его внимание.

По дороге домой мы говорили о работе.

Глеб рассказал, как устроена его мастерская. Не особенно подробно, зато с такими бытовыми подробностями, которых я никогда не слышала на семейных праздниках.

У него был партнер, занимавшийся закупками и клиентами. Сам Глеб больше любил техническую часть, хотя в последние годы ему все чаще приходилось сидеть над бумагами.

— Я иногда думаю, что проще было оставить все, как десять лет назад, — сказал он. — Работать одному, брать несколько заказов и никого не нанимать.

— Но вы же сами расширились.

— Сам. А теперь жалуюсь.

— Знакомо.

Он посмотрел на меня.

— У тебя тоже?

— Я на днях согласилась на большой проект. До сентября буду работать с учебными пособиями.

— Нравится?

— Работа или перспектива не спать?

— Работа.

Я задумалась.

— Да. Мне нравится приводить текст в порядок. Особенно когда автор действительно знает свое дело, но не может объяснить его простыми словами.

— Звучит полезно.

— Бывает. Хотя иногда хочется найти человека, который придумал слово «водонагреватель», и спросить, зачем он испортил мне столько дней.

Глеб засмеялся.

Не улыбнулся коротко, как обычно, а именно засмеялся.

У него оказались немного неровные передние зубы. Я никогда раньше этого не замечала.

— Ты серьезно из-за этого переживаешь? — спросил он.

— Глеб, я три дня пыталась убедить автора, что в инструкции не может быть четырех разных названий одной детали.

— А он?

— Сказал, что так технически разнообразнее.

Глеб снова рассмеялся.

Я смотрела на него и почему-то хотела продолжать рассказывать.

Не о разводе. Не о Кирилле.

О своей работе, которую Олег последние годы слушал рассеянно, если разговор не касался денег.

Когда мы подъехали к дому, Глеб заглушил двигатель.

— Спасибо за компанию, — сказала я.

— Мне понравилось.

Я повернулась к нему.

Он смотрел прямо, без обычной сдержанности.

— Еще сыграем? — спросил он.

— Если не боитесь проиграть.

— Я уже знаю, чего ждать.

— Не уверена.

Он улыбнулся.

— Тогда тем более.

Я открыла дверь.

— До свидания, Глеб.

— Пока, Вера.

Поднявшись в квартиру, я обнаружила, что Кирилл сидит на полу возле разобранного макета.

— Ну что? — спросил он.

— Что?

— Кто выиграл?

— Глеб взял две партии, я одну.

Кирилл поднял голову.

— Серьезно?

— А что?

— Он с Андреем иногда играет. Андрей уже два месяца ни разу не выигрывал.

— Значит, Андрей плохо играет.

Сын рассмеялся.

— Глеб, наверное, злится.

— Не заметила.

— Он просто не показывает.

Я прошла в спальню, достала домашнюю одежду и только тогда вспомнила, что так и не спросила, как у Кирилла прошел день.

Вернулась в комнату.

— А у тебя что с проектом?

Он поднял модель.

— Вот, смотри. Я крепление переделал.

Я села рядом.

Он начал объяснять.

На этот раз я слушала внимательно.

В воскресенье утром Олег прислал Кириллу сообщение с предложением встретиться.

Сын показал его мне за завтраком.

«Давай поговорим. Просто вдвоем. Можем пообедать».

— Что думаешь? — спросила я.

— Наверное, встречусь.

— Хорошо.

— Ты не против?

Я удивилась.

— Почему я должна быть против?

Кирилл пожал плечами.

— После всего.

Я отложила ложку.

— Он твой отец. Ты можешь с ним встречаться, когда захочешь.

— Даже если ты не хочешь его видеть?

— Даже тогда.

Кирилл некоторое время смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Ладно. Напишу ему.

Они договорились пообедать во вторник.

В тот день я старалась не спрашивать сына, как прошла встреча, сразу после его возвращения. Он сам заглянул ко мне в комнату ближе к вечеру.

— Мам, можно поговорить?

Я сохранила документ.

— Конечно.

Он сел на диван.

— Папа предложил мне стажировку.

— Какую?

— Здесь, в Ярославле. У него знакомый работает с учебным оборудованием. Там есть конструкторская группа, они делают макеты и некоторые корпуса для тренажеров.

— И что предлагают?

— Пока просто встречу. Показать портфолио, поговорить с руководителем. Если понравлюсь, могут взять на лето, а потом оставить частичную занятость.

Я задумалась.

Предложение звучало неплохо.

Кирилл получал опыт, мог остаться рядом с университетом, продолжать работать в городе.

И я невольно почувствовала облегчение.

— А тебе интересно? — спросила я.

— Возможно. Там много инженерной работы, но и дизайн есть. Я бы сходил посмотреть.

— Правильно. Хорошие предложения не каждый день появляются.

— Только папа считает, что это лучше Екатеринбурга.

— А ты?

Кирилл пожал плечами.

— Пока не знаю. Программа в Екатеринбурге больше про дизайн и исследования. Здесь больше практика на производстве. Это разные вещи.

— Но стажировка рядом с домом.

Он посмотрел на меня.

— Я знаю, где находится Ярославль, мам.

— Я не об этом.

— А о чем?

Я замялась.

— Просто удобно. Не надо переезжать, тратиться на дорогу. И работа реальная.

Кирилл откинулся на спинку дивана.

— Папа примерно так же говорил.

Мне это не понравилось.

— Я не уговариваю тебя отказаться от программы.

— Я и не говорю, что уговариваешь.

— Я просто перечисляю преимущества.

— Я слышу.

Он некоторое время молчал.

— Папа еще сказал, что в Екатеринбурге я буду никому не нужен, а здесь есть люди, которые помогут.

— Не думаю, что он хотел тебя обидеть.

— Я тоже не думаю. Но он говорит так, будто я сам не смогу найти работу.

— Он пытается помочь.

Кирилл посмотрел на меня.

— Мам, ты опять.

Я нахмурилась.

— Что опять?

— Объясняешь, что он имел в виду.

Я открыла рот.

Потом закрыла.

Сын был прав.

Я снова пыталась подобрать для Олега более приятные слова.

— Хорошо, — сказала я. — Ты сам как воспринял предложение?

— Как вариант. Я схожу, посмотрю, что там. Но подаваться в Екатеринбург не перестану.

— Разумно.

— И папе я так сказал.

Я кивнула.

— Он расстроился?

— Немного. Но мы нормально поговорили. Потом обсуждали машину.

— Какую машину?

— Его. Он хочет продавать старую.

Я удивилась.

— С чего вдруг?

— Говорит, расходы большие.

Я знала, что автомобиль давно требовал ремонта. Олег несколько месяцев откладывал замену деталей, хотя мог позволить себе обслуживание.

Я почти начала рассказывать, где лежат документы на страховку и как он собирался записываться в сервис.

Но Кирилл уже поднялся.

— Я пойду. Мне портфолио закончить надо.

— Хорошо.

Он остановился в дверях.

— Мам, я рад, что встретился с ним.

Я почувствовала неприятный укол.

Не оттого, что сын был рад. Оттого, что я невольно представила, как они сидят вместе в кафе, разговаривают о машинах и учебе, а Олег, возможно, ведет себя так, будто ничего особенного не произошло.

Я заставила себя не задавать лишних вопросов.

— Это хорошо, — сказала я.

Кирилл кивнул и ушел.

Я вернулась к работе, но несколько минут смотрела на одну и ту же страницу.

Мне хотелось узнать, спрашивал ли Олег обо мне.

Сказал ли что-нибудь о разводе.

Упоминал ли Наталью.

Кирилл не стал рассказывать, а я не собиралась превращать его встречу с отцом в источник сведений о бывшем муже.

Я открыла рабочий документ и продолжила редактировать.

Вечером позвонила Полина.

Мы окончательно согласовали график нового проекта. Я отправила подписанные документы и получила первый пакет материалов.

Почти двести страниц.

На первой же странице автор написал: «В целях осуществления процесса реализации практической деятельности».

Я прочитала фразу трижды.

Потом позвонила Полине обратно.

— У меня вопрос.

— Только не говори, что передумала.

— Нет. Я хочу уточнить, нам платят за каждое удаленное лишнее слово?

Она рассмеялась.

— Если бы платили, ты бы купила квартиру раньше сентября.
Я тоже засмеялась.

На следующий день Кирилл попросил меня посмотреть мотивационное письмо для программы.

Он прислал файл на почту.

Тема письма была простая: «Мам, глянь, пожалуйста».

Я открыла документ.

Текст занимал две страницы.

Сначала Кирилл рассказывал, почему выбрал промышленный дизайн. Потом описывал работу с учебными макетами, участие в студенческих проектах и желание изучать, как люди пользуются оборудованием в реальных условиях.

Писал он неплохо.

Но некоторые предложения были длинными, а в одном абзаце трижды повторялось слово «проект».

Я автоматически включила режим исправлений.

Убрала повтор.

Заменяла выражение «современные инновационные решения» на более конкретное.

Потом начала перестраивать предложение о мотивации.

Остановилась только на четвертом абзаце.

Вспомнила, как Кирилл показывал мне январские фотографии, а я говорила о грязных деталях на кухне.

Вспомнила, как он спрашивал, не слишком ли сложно звучит название работы, и как я сразу предложила более удачное.

В тот момент он не просил придумать название за него.

Он хотел узнать мое мнение.

Я посмотрела на письмо.

Своими правками я уже заметно изменила его голос.

Некоторые фразы стали лучше.

Но письмо начинало звучать так, будто его написала я.

Я закрыла документ без сохранения изменений.

Потом открыла чистую копию и прочитала все еще раз.

На этот раз не исправляла.

Только выписала на отдельный лист несколько вопросов.

Кирилл вернулся вечером.

Сначала пошел на кухню, достал йогурт и спросил, есть ли хлеб.

— В шкафу, — ответила я.

Он сделал бутерброд, сел за стол и включил телефон.

— Ты письмо посмотрела? — спросил он.

— Да.

— И?

Я села напротив.

— Сначала скажи, какую помощь ты хотел.

Кирилл поднял глаза.

— В смысле?

— Тебе нужна редакция? Чтобы я исправила ошибки и повторы? Или хочешь, чтобы я сказала, насколько понятно, что ты собираешься делать?

Он задумался.

— Второе, наверное.

— Хорошо.

— А что, ошибки есть?

— Несколько.

— Серьезные?

— Нет. Исправишь за десять минут.

Он отложил бутерброд.

— Ну давай. Что тебе непонятно?

Я достала лист с вопросами.

— Вот здесь ты пишешь, что хочешь изучать взаимодействие человека и оборудования. Это понятно. А дальше говоришь, что на практике часто возникают проблемы, которые нельзя обнаружить на этапе проектирования. Какие именно?

Кирилл сразу оживился.

— Ну, например, стол, который я делал. На чертеже все работало. А когда мы собрали первый вариант, оказалось, что регулировка высоты неудобная. Человек должен был наклоняться и одновременно держать опору.

— Вот это и напиши.

— Но это слишком бытовой пример.

— Ты же не на конференции выступаешь. Тебя спрашивают, почему тебе интересна программа. Конкретный пример лучше трех общих фраз.

Он задумался.

— Ладно. Это можно.

Я показала следующий вопрос.

— Здесь ты пишешь, что хочешь работать в команде с инженерами. Ты уже пробовал?

— Ну да. С Глебом и Андреем.

— Тогда расскажи, чему научился у них.

— Глеб говорил, что в тексте не надо рассказывать про родственников.

— Можно не писать, что он твой дядя. Важно, что у тебя есть реальный опыт работы с людьми другой специальности.

Кирилл взял лист.

— А это что?

— Про выбор университета.

Он прочитал вопрос.

— Почему именно Екатеринбург?

— Да. У тебя в письме написано, что там хорошее оборудование. Но хорошее оборудование есть и в других местах.

— У них программа с производственными партнерами. И есть лаборатория, где тестируют прототипы на пользователях.

— Вот. Это уже конкретно.

Кирилл начал что-то записывать.

Я смотрела, как он перечеркивает фразы и подбирает новые слова.

В какой-то момент мне захотелось забрать у него ручку и показать, как лучше построить абзац.

Я даже протянула руку к листу.

Потом остановилась.

— Можно предложу формулировку? — спросила я.

Кирилл посмотрел на меня.

— Давай.

Я сказала.

Он подумал.

— Не, я немного иначе напишу.

— Хорошо.

— Ты не обиделась?

— На что?

— Что я твою фразу не взял.

Я усмехнулась.

— Кирилл, меня каждый день не слушают люди, которым за это платят. Я переживу.

Он засмеялся.

Мы просидели за столом почти час.

Кирилл переписывал письмо, спорил, задавал вопросы. Иногда принимал мои предложения, иногда отвергал.

Я не всегда была с ним согласна.

Но постепенно начала понимать, что он пытается сказать.

Ему хотелось не просто уехать в другой город.

Его действительно интересовала эта работа.

Он хотел придумывать вещи, которые можно взять в руки, проверить, изменить. Хотел увидеть, как работают другие люди, получить опыт за пределами знакомой мастерской и университета.

У него были планы, о которых я знала меньше, чем думала.

Когда мы закончили, он сохранил файл.

— Спасибо, мам.

— Пожалуйста.

— С тобой удобно такие вещи делать.

Я почувствовала знакомую радость.

Вот она, моя работа.

Я нужна сыну.

Но Кирилл добавил:

— Особенно когда ты сначала спрашиваешь, что я хочу написать.

Я посмотрела на него.

— Это намек?

— Прямой текст.

Он улыбнулся.

Я тоже.

Потом он собрал листы и пошел к себе.

Я осталась на кухне.

За окном уже стемнело. На соседнем доме горели несколько окон. В одном из них женщина развешивала белье, в другом мужчина стоял у плиты.

Я убрала со стола крошки, вымыла чашки.

Телефон коротко завибрировал.

Сообщение пришло от Глеба.

«Как бедро? Синяк большой?»

Я посмотрела на экран.

Вспомнила, как ударилась о край теннисного стола.

Синяк действительно появился. Небольшой, темный.

Я ответила:

«Жить буду. Но за ущерб потребую реванш».

Через минуту пришло:

«Я думал, ты потребуешь новую ракетку».

Я улыбнулась.

«Это тоже».

Глеб ответил:

«Тогда придется договариваться. Когда у тебя свободный вечер?»

Я посмотрела на рабочий календарь.

На следующей неделе в четверг нужно было отправить первый раздел пособия. А пятница после обеда оставалась свободной.

Я написала:

«В следующую пятницу после четырех».

Он ответил не сразу.

«Хорошо. Только в этот раз без травм».

Я набрала:

«Ничего не обещаю».

Отправила и положила телефон на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.